

Я. Немой

КУМТРЕСТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Я. Немой
Кумтрест

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Я. Немой

Кумтрест / Я. Немой — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98104-1

История оперативных работников основана на реальных событиях, произошедших в колониях 21-го века. Опер, он же Кум – белая кость уголовно-исполнительной системы. Его функционал настолько широк, что порой приходится идти по лезвию ножа. Он одновременно кнут и пряник, прокурор и адвокат, разведчик и судья. Оперативная работа – это айсберг. Обыватель видит малую часть, всё остальное скрывается за кулисами под грифом совершенно секретно. Верность офицерскому долгу, честь и совесть, побег и убийства, коррупция и пытки, отдельные эпизоды не имеют прецедентов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98104-1

© Я. Немой, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1. 1999 год	5
Глава 1	5
ИК-3. Старший кум	5
ИК-12. Радуга	8
ИК-50. Бухгалтер	11
Глава 2	15
ИК-3. Матрац	15
ИК-12. Ломка	18
ИК-50. Колпак	21
Глава 3	25
ИК-3. И смех и грех	25
ИК-12. Бесконечный карантин	27
ИК-50. Первый опыт	29
Глава 4	33
ИК-3. Эффект Плацебо	33
ИК-12. Подводная лодка	35
ИК-50. Белый аист	37
Глава 5	42
ИК-3. Баба Ваня	42
ИК-12. Цветные карандаши	44
ИК-50. Денди Эскобар	48
Глава 6	50
ИК-3. Мозаика	50
ИК-12. Дорогое предложение	53
ИК-50. Братишка	55
Глава 7	58
ИК-3. Робин Гуд и голуби	58
ИК-12. Ветер в голове	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Я. Немой

Кумтрест

Часть 1. 1999 год

Глава 1

ИК-3. Старший кум

Наступил конец рабочего дня и штаб за зоной опустел. Молодой опер быстро шёл в продуктовый магазин за водкой. Он оглядывался по сторонам, чтобы его никто не видел. Он хотел быстрее пообщаться со старшим опером майором Петровым Петром Петровичем, поэтому и торопился. Петровичу, как его все звали, сорок лет и он давно работает в колонии. У него жена и три дочери, но сына так и нет. Петрович, наверно, поэтому опекал и учил молодого опера как жить в зоне, чтобы из него получился нормальный кум. Молодой опер – лейтенант Васильев Василий Васильевич, который окончил Юридический институт, бывшая Высшая школа милиции. Для продолжения службы его направили в уголовно-исполнительную систему – в ИК № 3.

Для справки, в опера кого попало не брали, недостаточно образование получить, вышку закончить или юрфак. Да будь ты хоть строитель или зоотехник, неважно. Сначала будущего опера обкатывали в отделе безопасности и смотрели, есть ли у него характер и дух. Старшие наблюдали как он ведёт себя среди толпы зэков, не боится ли он. Провоцировали взятками и совместным распитием спиртных напитков. Оценивали его поведение в сложных и экстренных ситуациях. В итоге, через несколько месяцев, принимали решение, достоин ли кандидат стать оперативником.

В первый день работы начальник оперчасти говорит, что ты ещё трамвай – докажи, что ты кум. А кто такой кум, почему кум? Когда сам поймёшь кто такой кум, значит ты уже кум. Кстати, выпивали с целью проверить как ведёт себя кандидат, так как настоящий опер пьяным не бывает. Если кум и приспал чуть-чуть, то значит отдыхает и слушает болтливые языки. Послушать народ всегда полезно. В зоне самое главное – стабильная оперативная обстановка, не только в отношении осужденных, но и среди сотрудников. Васильев прошёл все испытания в отделе безопасности и был переведён оперуполномоченным в оперативный отдел.

Вася вернулся из магазина и достал покупки из внутренних карманов куртки. На столе уже была закуска. Петрович подсуетился – колбаса, хлеб, консервы, сало и квашеная капуста. Даже в плохие голодные времена для кумовьёв в зоне было всё. Опера выпили по рюмке водки и закусили.

– Василий Васильевич, запомни, что я тебе скажу. – сказал Петрович. – Осужденный должен всегда называть тебя по имени и отчеству или гражданин начальник. Ни Вася, ни Васян, только по имени и отчеству. Это самое главное в общении с осужденными – они должны знать своё место. Это должно быть обыденностью. Ни в коем случае нельзя допускать мысли, что ты, к примеру, господин, а он раб. Ну или что-то в этом духе. Иначе грош тебе цена, как оперативнику.

– А что делать, если осужденный не хочет так обращаться? – спросил Васька, выискивая подводные камни.

– Для начала сделай ему выговор начальника отряда. Если не поймёт, через неделю выговор начальника колонии. А если и дальше будет игнорировать, то посади его в ШИЗО, сразу на пятнадцать суток. Ты опер, твоё оружие ручка, бумага и мозги. А там слух пойдёт по зоне, кто с башкой дружит, тот поймёт, а кто нет, того и не жалко. Порядок превыше всего! Понял?

– Понял.

– Ты сейчас меня не поймёшь, но ты Василич выбрал себе самую грязную работу из всех, что существуют в нашей системе. Трудно здесь оставаться чистым.

– Почему грязную? Опером в зоне работать – это же престижно!

– Работать честно в зоне опером – это как идти по лезвию ножа, оступись и нет опера. – Петрович задумался. – Ты можешь подумать, что у режимников грязная работа вечно дерьмо шмонать? Но нет, помыл руки, постирал форму и пошёл домой, «завтра» у них, как и «сегодня», всё однообразно. Хотя работа тоже не из приятных. В нашем деле руки трудно отмыть, если ты их запачкал, поэтому с нас и спрос больше и допуск выше. Такая у нас работа. Давай ещё по одной выпьем и покурим.

Они выпили ещё по рюмке водки, покурили и Петрович продолжил обучение молодого кума.

– Ты самое главное на первых порах никуда не лезь и всегда советуйся. Нужно время, чтобы понять, чем дышит зона. Никогда не обещавай того, чего не сможешь сделать, запомни, никогда! Хватит одного раза слово не сдержать перед осужденным, и все будут знать, что ты трепло. Народ не будет к тебе идти. Всякая мелочь забежит, но от них серьёзной информации ты не получишь. Лучше сначала прокачай тему и реши вопрос заранее, а потом, как бы невзначай, пропихни её в зону. Приходит к тебе осужденный, а у тебя уже всё готово, мужик сказал – мужик сделал! Слух по зоне мигом разлетится, о-о-о, скажут зэки, новый кум слов на ветер не бросает. Василич, всегда следи за своими словами, зэк он хоть и зэк, но никогда не оскорбляй его матом. Не называй сукой или козлом, даже если это так и есть. Будь выше этого, ты же опер! Будь умнее и никогда не торопись. Сначала ты должен работать на авторитет, а лет через пять, может быть, авторитет будет работать на тебя.

– Пять лет ждать! А раньше нельзя? – удивился Васька.

– Можно и раньше, но тут как масть пойдёт. Авторитет такая штука, он либо есть, либо его нет. Если появится, то только приумножится в геометрической прогрессии. Ну и надо всегда помнить, что авторитет может быть и плохим.

Опера продолжали общаться и выпивать. Васька спрашивал про блатных и красных, мужиков и петухов, воровские понятия и значение наколок. Что можно делать, а что нельзя, как вербовать агентов, где искать деньги и наркотики. Он хотел знать всё и сразу. Ждать пять лет, пока созреет этот самый авторитет, он не мог. Петрович, не торопясь его учил и всё подробно рассказывал. Конечно, в пределах того, что должен знать Васька в тот момент. Петрович видел блеск в его глазах и прекрасно понимал, что Вася не глупый, но горячий. По незнанию, не со зла, он может наломать дров.

– Запомни следующее Василий Васильевич. – Петрович специально иногда обращался к нему по имени и отчеству, чтобы Васька постепенно привыкал к порядку. – Никогда не бей осужденного без причины. Если до этого дошло, то ты должен обязательно обосновать ему за что он получает. Осужденный должен всегда знать, что его ударили за дело. Ну и соответственно размер наказания, должен быть равным размеру нарушения. Обосновать его косяк можешь или по закону, или по понятиям. Главное, что он чётко должен понимать – если накосячил, значит обязательно ответил. И, да, никогда не бей по лицу ладошкой – это унижительно. Настоящий кум зэков вообще не бьёт, так, за редким исключением, не профессионально это. Опер не имеет права быть дилетантом!

Они выпили ещё по рюмке водки и Петров продолжил занятие по настоящей кумовской грамоте.

– Был у нас раньше начальник кумчасти, до Валентиновича ещё, Александров его фамилия. Осужденные, между собой, называли его Тень. Так вот, зайдёт он в барак, когда осужденные чай пьют и сразу к ним. Они ради уважения подорвутся с табуреток, а он им и говорит: «Сидите, сидите, граждане осужденные. Как вопросы порешать, так вы тут как тут, а как на чай позвать, так не дождёшься от вас приглашения. Не хорошо, ой не хорошо». Застыдит их сначала, так, в шутку, а потом чай с ними пьёт на кухне в отряде. Так вот пока чай пьют, они ему столько тем по зоне выложат на блюдечко, хоть записывай на ходу, чтобы не забыть. Зона ведь это не только преступники – это целое государство. Тут, по мимо оперативных вопросов, надо знать ещё и общее настроение в зоне. Как я тебе уже говорил, нужно знать, чем дышит зона.

– А что значит знать, чем дышит зона? – спросил Васька, так как не понимал иной смысл некоторых слов.

– Знать насущные вопросы в зоне. Еда, одежда, свиданки, работа, тепло в бараках, у всех ли есть пайка положняковая. В общем посидят они, пообщаются, ну и соответственно потом все идут к нему в штаб вопросы решать. А там и агентура наша под шумок идёт. Повод есть и лишних вопросов, зачем ходил в кумчасть, не будет, так как все идут. Тут Вася надо быть с головой. Кстати, тоже запомни, положняковая пайка для зэка – самое святое! Можешь его всего лишить, но пайку дать обязан! Не одна генеральская звезда с погон слетела из-за куска хлеба.

– В смысле? Как звезда может слететь из-за куска хлеба?

– А ты, Вася, подумай. Вот нас, сотрудников, каждый день в зоне человек тридцать, ну сорок, в среднем, а в зоне сидит почти две тысячи. Как думаешь, что им стоит нас самих в подвал посадить? Да ничего. В зону с вышек стрелять нельзя, осужденные про это хорошо знают, все двери на цепи перекроют и всё. Жратвы на трое суток с запасом. Пока маски-шоу приедут, от нас с тобой одни лоскутки останутся. Это, если их довести до белого каления.

– Какие маски-шоу?

– Спецназ, маски-шоу – это спецназ. Вася, зона – это маленькая страна. Толпой ещё нужно уметь управлять, иначе она тебя растопчет и не заметит. Баланс должен быть в зоне. Ты думаешь для чего у нас смотрящие в зоне есть? Ты можешь феню на пять с плюсом знать, но ты всё равно мент в их глазах.

– Петрович, но понятия ведь для всех одинаковы? Или нет?

– Одинаковы, да не одинаковы. Будете с блатным, как по копирке, в напряжённой ситуации какому-нибудь мужику из колхоза слово в слово говорить, а он всё равно послушает смотрящего. Себе подобным верят на уровне рефлексов, а наша с тобой задача направлять всех в нужное русло. У них такая же иерархия руководства как у нас, только по ту сторону забора. А вместе мы все делаем одно дело – сидим и охраняем. Не будет зэков – не будет нас! Понятия, как и закон, можно вертеть как хочешь. Самое главное насколько у тебя мозгов хватит, чтобы грамотно дёргать за верёвочки.

Уже захмелев, Васька мечтал о том, что обязательно будет майором и старшим опером. Мечты прервали, заскрипевшие ключи во входной двери кабинета оперчасти. Васька насторожился, так как все уехали домой.

– Всё нормально, наверно Валентинович из зоны вышел. – спокойно сказал Петрович.

В кабинет зашёл Валентинович, он же начальник оперативного отдела майор Зубов Валентин Валентинович. Он, как и Петрович, тоже давно работает в зоне и имеет большой авторитет.

– Что-о Петрович, молодого опера спаиваешь? – с укором спросил Зубов.

– Нет Валентинович, уму разуму учу, чтобы молодой кум в блудню не попал.

– Ну тогда ладно, смотрите мне! – строго сказал Зубов.

– Валентинович, рюмку будешь? – спросил Петров.

– Нет, я сегодня за рулём, у меня ещё дела, долго не сидите, завтра на работу.

Васька помалкивал, так как вмешиваться в разговор старших было не принято, ни по уставу, ни по понятиям.

ИК-12. Радуга

Андрей Шмаров неторопливо ел сало, нарезанное толстыми кусками, и пил чай с сахаром. Он ждал звонка от оперативного дежурного колонии. Андрей Андреевич Шмаров закончил Государственный университет физической культуры и спорта. Гуманитарных знаний не получил. Зачем они нужны, когда он в очередной раз защищает честь университета на борцовском ковре в кимоно. К сожалению, Андрей применения себе в спорте не нашёл.

Шмаров устроился работать участковым в милицию. Через три месяца службы в органах он был уволен за то, что разбил лицо честному гаишнику. Инспектор отказался от взятки и оштрафовал его дядю за вождение автомобиля в нетрезвом виде. Спустя полгода скитаний на отечественной семёрке в качестве таксиста, он подслушал разговор двух пьяных пассажиров. Они обсуждали мусорской беспредел, который творится в Радуге. Пассажиры были хозные ребята и по пьяни строили грандиозные планы, как там навернуть чёрный ход.

На следующий день Андрей поехал в ИК-12, где его с радостью взяли. Как оказалось, там дефицит кадров, требуемых для особой специфики именно этой колонии. К своему удивлению Андрей на «отлично» прошёл собеседование с руководством. После прохождения медкомиссии он незамедлительно был трудоустроен оперуполномоченным в оперативный отдел.

Зазвонил телефон, и Андрей быстро схватил трубку.

– Мясо приехало, воронок стоит у ворот. – сказал дежурный и Андрей улыбнулся.

Почему Радуга? Гадал Калуга, он же Алексей Викторович Калугин, судимый дважды за кражу алюминиевой тары с местных дач. Ра-ду-га, Ра-дуга, Радуга-га? Может Агу-дар или рад-агу? Он понимал, что есть подвох, но какой именно, сообразить не мог. Калуга уже слышан, что в Радуге очень жёсткий режим, но что ему бояться? Он не блатной, тем более не авторитет и не насильник – он простой мелкий воришка. В зоне уже отсидел две ходки по три года и работал на швейке. Шил робу и голицы, в общем, как и в любой зоне, только в этот раз дали шесть лет. Воронок резко затормозил, и Калуга ударился головой об решётку.

– Блядь! – сказал Калуга в ответ решётке и догадался почему Радуга – это Удар ногой.

По лаю собак Калуга понял, что приехали. Это поняли все автозаке, все двадцать девять человек. Открылась дверь, и охранник опустил лестницу из будки автозака.

– Бегом, бегом, бегом по одному. Вещи взяли, бегом, кто последний выбежит из автозака тому пиздец! – заорали мусора.

Все ринулись быстрее вперёд. Столпотворения и давки не было, так как удары дубинками и пинки у мусоров были чётко отработаны. Непонятно кто из зэков выбежал последним, но досталось всем без исключения. Через минуту все осужденные стояли в три шеренги перед начальником спецотдела.

– Шапки снять, быстрее, быстрее. – заорал во всё горло безопасник. – Всем сесть на корточки, вещи перед собой. Руки за голову, за голову я сказал.

Зэков опять стали выравнивать дубинками и пинками по спине и заднице. Калуга сидел на корточках и думал о том, что надо потерпеть, что его, не били что ли в зоне. Так везде по приезду встречают, чтобы не расслаблялись. Две недели карантина, а потом работать куда-нибудь пойду. Жаль я маклевать не умею, цены бы мне не было.

– А где ещё один? – спросила начальник спецотдела капитан Холипова, полная женщина с небольшими усами, у старшего конвоя. – По разнарядке тридцать.

– Вскрылся сегодня ночью, ехать к вам не хотел. Не переживайте, следующим этапом привезём. – ответил старший конвоя.

– Что же вы так плохо их у себя обыскиваете? – с укором спросил Шмаров. – Может они все тут заряженные приехали?

– Обыскиваем хорошо – знаем куда везём. Андрей Андреевич, Вы же знаете, что вопрос не ко мне, моё дело возить, а не шмонать. Этот мудака вены на руках перегрыз зубами. Вот когда введут закон на изъятие зубов, тогда и будете претензии предъявлять. – резко ответил старший конвоя.

Шмаров повернулся к осужденным и начал говорить, заученную до зубов речь.

– Встать, вы прибыли в ИК-12. Всё делаем быстро, отвечаем быстро, вопросов не задаём. Все передвижения бегом, руки за спиной. Забудьте всё, что вы раньше знали о зонах. У нас показательная колония, здесь всё только по закону. Хотите вы этого или нет.

И тут как-обычно, в семье не без уроды. Один осужденный в первой шеренге, конечно, самый дерзкий, решил отличиться.

– Гражданин начальник, разрешите спросить?

На что в ответ он получил, давно отработанный, удар кулаком от Шмарова. Сначала в солнечное сплетение, потом в висок и падая, ещё один удар по шее сверху. Зэк стал задыхаться и хрипеть, но до него уже никому не было дела.

– Я два раза не повторяю, – сказал Шмаров.

Дальше под крики бегом, быстрее, руки за спину и удары по спине и жопе дубинками, зэков погнали в изолятор. Ну и как здесь принято, кто последний, тот получит пиздюлей. Лежавшего на асфальте зэка, дневальные медсанчасти унесли на носилках в изолятор, вслед за прибывшим этапом. Режимники его проверили пинками и палками, убедились, что он не симулирует и отправили в МСЧ. Калуга потом видел его несколько раз в зоне – у него были сломаны ребра. Он стал заикаться, но по другой причине. Вслух про это никогда не говорят, но все по-разному реагируют на анекдот про СПИД.

Началась процедура приёмки и полный обыск всех вещей. Личную гражданскую одежду забрали на склад. Чай, сигареты, конфеты переломали, порезали и проверили металлоискателем. Режимники, убедившись, что нет запрещённых предметов, всё вернули обратно. Потом начались приседания, чтобы сотрудники знали, что в бардачке у зэков ничего нет. Спецотдел проверил судимости и статьи, адреса и телефоны родственников, всё сверил, согласно личных дел.

Калугин вместе с другими осужденными стоял в коридоре, держа стену вытянутыми вверх руками. Он смотрел в неё и старался не упасть. Ноги находились от стены примерно в одном метре и на таком же расстоянии они были раздвинуты между собой. Кося глазом на других осужденных, он видел, как бьют тех, кто стоял криво. Он старался быть вытянутым как струна, чтобы лишний раз не получить дубинкой по спине.

– Фамилия? – спросил Шмаров, взяв за правое ухо Калугина.

– Осужденный Калугин, гражданин начальник. – быстро ответил Калуга, стараясь не корчиться от боли.

– Лучёв, нарядчик. – крикнул Шмаров и стал надламывать хрящ уха.

– Я здесь Андрей Андреевич.

– Этого тоже на заметку, больно рожа у него хитрая.

– Так точно Андрей Андреевич. – быстро ответил нарядчик Лучёв и записал фамилию Калугина на отдельный листок.

На какую заметку, подумал Калуга, нормальная у меня рожа, такая же как у всех. Да хрен с ним, исполняет из себя здесь крутого, я и по круче видел, пуганый уже, третья ходка как никак. Калугин уже изрядно устал, так как вся эта приёмка сопровождается постоянными тычками и ударами для скорости. Иногда бьют просто так, когда сотрудники проходят мимо. На подзатыльники он уже не обращал внимания. Сейчас подстригусь, помоюсь, оденусь, вечером

покормят и спать. Завтра новая жизнь начинается, успокаивал себя Калуга. В отличие от двух первых ходок, он поймал себя на мысли, что у него нет желания сбежать – значит уже привык.

Приёмка этапа шла полным ходом и осталось только помыть за собой пол. Калуга знал эту процедуру. Сотрудники давали тряпку, ведро и осужденный мыл за собой там, где покажут. Опера и режимники понимали, что ты не блатной и на этом всё заканчивалось. Калуга был мужик по жизни, а за собой убрать – это святое дело! Данный текст он давно знал и говорил всегда чётко, а когда начинал мыть пол, то интерес к нему у мусоров сразу пропадал. Они говорили «свободен» и звали следующего зэка. Беседы с опером, как в обычных зонах, не было. Это насторожило, так как это было очень странно. Во всех зонах этап в обязательном порядке проходит через кумчасть.

Калуга бежал в душ и думал, что почему-то робу выдадут после помывки? Обычно в душ или баню ты идёшь уже со своей робой, а тут дали только полотенце. Перед душем стоял режимник и очереди туда не было. Странно, опять подумал Калуга, как-то всё у них тут не по-человечески. Режимник сказал стоять лицом к стене бабочкой и ждать. Калуга ждал около десяти минут, но шума воды в душе не слышно. Наверно я уже туплю, подумал Калуга. После команды режимника, он зашёл в душ и увидел десять леек, а там никого нет. Да что ты будешь делать, что за зона такая непонятная, он вроде был в середине очереди. Калуга помылся и вытерся полотенцем, которым обмотался для приличия.

Режимник указал на следующую дверь и велел заходить. Калуга постучался в дверь, спросил разрешения и услышав в ответ одобрение, зашёл. В помещении было темно, а в лицо ему светил круглый прожектор. Шутники, подумал Калуга и начал доклад.

– Гражданин начальник, осужденный...

От удара по голове пожарным рукавом, набитым песком и зашитым с двух сторон, Калуга потерял сознание.

– Пожарный рукав – надёжное средство! Следов нет, а результат всегда стопроцентный! – с гордостью сказал Шмаров Калугину, который этого уже не слышал.

Очнулся Калуга от лёгких похлопываний и поглаживаний по лицу. Открыв глаза, он увидел перед собой стоячий заросший член, которым водят по его лицу и губам. Калуга рванулся назад, потом вправо и влево, но не смог и сдвинуться с места. Он был привязан к столу широкими ремнями и лежал животом на столешнице. Ногами стоял на полу, которые были привязаны к ножкам стола, а руки связаны под столешницей.

– Суки! Вы что творите? Это беспредел! – заорал Калуга, но в ответ была тишина.

Он попытался перевернуть стол, рвал и метал, но бесполезно. Стол намертво прикручен к полу. Никогда Калуга не чувствовал себя таким беспомощным. В эти секунды жизнь пронеслась перед глазами. Ярость сопровождалась с мольбой прекратить всё это. Он думал о прошлом и будущем, своих подельниках и друзей. Клички знакомых мелькали в голове. Он знал, что никогда не совершал сучьих дел, чтобы с ним так поступили.

– За что? За что? За что? – одновременно рычал и стонал Калуга.

Потом он начал смеяться и плакать. У него мелькнула мысль, что это сон и надо быстрее проснуться. Вылитое ведро ледяной воды вернуло Калугина в реальность. Наступила тишина.

– Успокоился? – спросил Шмаров Калугина. – Я хочу, чтобы ты хорошо вёл себя в зоне и ходил по струнке. Говорил тогда, когда разрешат, ел, спал, срал и работал, когда скажут. Стучал мне и всех сдавал. Пока ты отдыхал, мы провели фотосессию, где у тебя хуй во рту. Вот посмотри. Будешь вякать, станешь знаменитым хуесосом. Ты всё понял?

Калуга открыл глаза и увидел в фотокамере фотографию, где ему тычут членом в рот. Злоба распирала его изнутри во все стороны, но он ничего не мог сделать. Подняв голову, Калуга увидел перед собой ещё двух сотрудников. По сторонам стояли четыре здоровых зэка в тряпочных чёрных масках с прорезями для глаз. Он понял это по хозным партам на их руках и перстнях на пальцах.

– Я вас уроды на куски порежу. – зарычал Калуга. – Пидорасы, вы у меня кровью захлебнётесь, живём закопаю, суки. А тебя мусор, лично обоссу и выебу. – добавил он, глядя в упор на Шмарова.

– Рот ему заткните. – распорядился Шмаров. – Он видно ничего не понял.

Зэки засунули кляп в рот Калуге, сделанный из его же полотенца. Потом обмотали вокруг головы канцелярский скотч.

– А вот это уже оскорбление. – продолжил Шмаров. – За это ты ответишь, пидор. Хочешь расскажу анекдот про СПИД? Не хочешь? Ну слушай. Приходит пациент к врачу и спрашивает, какие первые признаки СПИДа? А врач ему отвечает, что это резкая боль в жопе и жаркое дыхание в спину! Ха-ха-ха. – рассмеялся Шмаров и резко крикнул. – Отъебать!

Двое зэков стали держать Калугина и раздвигать ягодицы, а третий начал его насиловать. Калуга потерял сознание и не знал, что фотосессия продолжилась.

В изоляторе зазвонил телефон. Младший инспектор взял трубку, ответил и быстро побежал к Шмарову.

– Андрей Андреевич, Вас Александр Александрович вызывает к себе, срочно!

Андрей не стал ждать, когда закончат работу с Калугиным и быстро пошёл в штаб.

– Разрешите войти товарищ майор? – отрапортовал Шмаров.

– Заходи. – ответил майор Коляпин Александр Александрович, он же начальник оперативного отдела колонии. – Андрей, я не понял, ты служить вообще хочешь или нет?

– Хочу, Александр Александрович. – в недоумении ответил Шмаров.

– А мне показалось, что тебе уже надоело служить. Тебе скоро старлей подходит, у нас на тебя в будущем большие планы. Ты что, берега попутал я смотрю последнее время?

– Да хочу я служить, что случилось?

– Случилось то, что сейчас мне позвонил начальник колонии Подробинов и я имел бледный вид. Он сказал, что, сидя в своём кабинете, перестал слышать, как мы принимаем этап. Это, что за блядь телячьей нежности вы тут мне устроили? Что блядь за детский сад? Уси-пуси, уси-пуси, милые наши зэки, охуели совсем что ли? – начал орать Коляпин на весь штаб.

– Товарищ майор, наведём порядок.

– Значит так. – спокойным голосом продолжил Коляпин. – ШИЗО, СУС, ПКТ забить полностью. Пусть это говно хоть на потолке спит. Навести порядок в зоне, маршрутировать должны как на параде, понял? Свиданки, письма, звонки урезать. И да, а что так хуёво песни стали петь? В общем ты меня понял. Срок две недели. Свободен.

Андрей Шмаров даже был рад этому разговору. Теперь он может делать всё, что хочет, лишь бы фантазии хватило.

ИК-50. Бухгалтер

Бобышкин Алексей Адамович закончил Государственный университет. Бухучет, анализ и аудит он знал на «отлично», но все, предложенные ему варианты трудоустройства бухгалтером, для него были либо скучны, либо малооплачиваемы. Он не видел себя в роли клерка в галстук и белой рубашке, как хотела его мама. Работа в офисе была не для него.

Время шло и приближался очередной призыв в армию. Бобышкин служить не хотел, как и не хотел прилюдно ссаться или лежать в дурке. Вариантов было немного, самые подходящие – милиция или колония. Стать пожарным он сразу наотрез отказался, так как там можно сгореть на работе. В милиции надо было как волк рыскать по городу и ловить тех, половину которых всё равно отпустят. Лёша не хотел делать бесполезную работу. Он подумал и решил устроиться в УИС. В колонии преступники уже все на месте, бегать никуда не надо. Да и год там считают, как полтора.

Мама оценила выбор сына и свои гены. Действительно, полтора года за один, больше, чем год за год, мало ли, вдруг пригодиться. Воспользовавшись обширными связями родственников, Лёша через месяц был трудоустроен оперативным работником в ИК-50, он же Полтинник. Имея высшее образование, он сразу получил звание лейтенант. Оставалось дожидаться двадцати семи лет и заняться каким-нибудь любимым и прибыльным делом.

Отработав в зоне один месяц, Лёша Бобышкин понял – это его место. Решать вопросы, сидя в кабинете, ему очень понравилось. Он уже понял, что обладает властью. Полномочия имеются пока не большие, но есть к чему стремиться. Бобышкин постоянно видел, как старшим товарищам периодически привозят пакеты с дорогими спиртными напитками. Со временем он понял, что за решение вопросов можно иметь и иную материальную благодарность. Для извлечения прибыли нужно просто использовать ээков в своих целях.

Бобышкин не торопился получать подарки от ээков или их родственников, так как понимал, что пока это делать рано. Сначала нужно стать своим в компании оперов и утвердиться перед руководством. Лёша не хотел быть конкурентом, так как ещё не до конца освоился. Бобышкин твёрдо знал, что у него всё впереди. Как экономист, он понял, что в зоне на всё можно накручивать огромные проценты. Дефицит всё делал очень дорогим, а власть была бесценна.

Бобышкин постепенно загонял ээков в долги и получал оперативную информацию. Изучал оперов и местную движуху, кто за чем и кем смотрит, и кто с этого что имеет. Он прекрасно понимал, что за ним тоже смотрят – как опера, так и ээки. Через год Лёша стал для всех своим. Он не лез в чужие дела и не жадничал, ни с кем не ругался и был всегда на позитиве.

Однажды Бобышкин встретил в зоне одноклассника осужденного Ясина Колю по кличке Бацилла. Он сидел за кражу и хранение наркотиков, по жизни был красным и работал дневальным в отряде. Фактически, он был писарем у начальника отряда, строчил характеристики и вёл личные карточки осужденных. Со временем их отношения стали дружескими, и Бобышкин начал получать первые деньги. Ему платили за предоставление осужденным положительных характеристик и разного рода поощрений, таких как благодарности и дополнительные свиданки.

Бацилла находил осужденных, готовых раскошелиться, а Бобышкин, обосновывая руководство, что это его агентура, подписывал поощрения. Деньги, конечно, не большие, но пятьсот, семьсот рублей в кармане было всегда. Бобышкин подписывал благодарности и Коле, но как компаньону по бизнесу, естественно бесплатно. Осужденный Ясин постепенно зарабатывал УДО. Бобышкин забирал свои кровно заработанные всегда дома у сестры Ясина. Это было надёжно, брать деньги в зоне он пока побаивался. Попутно с этим сестра Ясина, по имени Таня, просила передавать брату чай, сигареты, лекарства и письма. Бобышкин не отказывал ей и всегда помогал.

Однажды Ясин предложил Бобышкину ещё один вариант подзаработать денег. Суть простая, Бацилла достаёт разные макли – ножи, шкатулки и картины, а Бобышкин их выносит за зону. Ширпотреб он отдаёт Тане, которая будет продавать его в своей палатке на вещевом рынке. Бобышкин согласился. Вынести за пазухой три, четыре ножа проще простого, а любая копейка лишней не будет. Со временем это дело начало приносить доходы. Бобышкин выносил картины, кухонные наборы, ножи и прочие изделия ширпотреба. Делал он это с разрешения руководства, обосновывая необходимостью отблагодарить оперов из милиции. Они помогают колонии, осуществляя оперативное взаимодействие между силовыми структурами. Правда Бобышкин с мусорами просто бухал, но почему бы под шумок не воспользоваться такими моментами.

Жизнь налаживалась. У Бобышкина стали появляться и другие ээки, которые подготавливали макли. Кто-то благодарил за услуги, а кто-то рассчитывался за долги, но всё шло на про-

дажу. Бобышкин давно уже понял, что дешевле подарить милиционеру бутылку водки, чем хороший нож или нарды, что что, а считать он умел хорошо.

Однажды во время планового обыска в отряде Бобышкин нашёл свёрток. В нём он обнаружил три коробка марихуаны и двадцать ляпов ханки. Бобышкин огляделся по сторонам и убедился, что никто этого не заметил. Он на секунду призадумался и спрятал наркотики в трусы, а потом продолжил шмон в отряде.

Бобышкин шмонал и думал о том, что очень редко по итогам обысков озвучивают изъятие наркотиков. Он давно уже понял, что изъятая наркота уходит неизвестно куда на усмотрение старших оперов. Но чем он хуже них? Его никто не видел и всё тихо. Выбрасывать наркоту жалко. Отдать старшим? Но это же он сам нашёл. Официально её оформлять нет смысла, по крайней мере на его памяти такого ещё не было. Что же с ней делать? Бобышкин не уютно себя чувствовал с наркотиками в трусах. Ему казалось, что за ним все наблюдают, как будто знают, что у него есть наркота.

Он прошёлся по зоне и понял, что ходи не ходи, а наркота лежит в трусах. Озвучить операм, что он её нашёл, теперь будет очень глупо. Лёша зашёл в свой кабинет и вытащил наркотики из трусов. Аккуратно завернул их в лист бумаги и положил всё в мусорное ведро. Недолго думая, Бобышкин вызвал Ясина.

– Здравсьте Адамович. – удивлённо поздоровался Ясин, так как сегодня Бобышкин его не должен был вызывать.

– Здорово Бацилла, как дела? – взволновано спросил Бобышкин.

– Да нормально всё, зачем вызвал, что-то случилось?

– Ничего, просто так. – пробормотал Бобышкин, после чего достал свёрток с наркотиками из мусорки и резко сунул его в руки Ясину. – Всё, свободен, иди, потом рассчитаешься.

– Спасибо. – ещё больше удивился Ясин, развернул бумагу и увидел содержимое. – А сколько я должен? – спросил Ясин, быстро пряча наркоту в штаны.

– Всё, иди, потом поговорим. – быстро пробормотал Бобышкин и выпроводил Ясина из кабинета. – Завтра приходи, после обеда, понял?

– Понял, ну я пошёл. – сказал Ясин и ушёл в отряд по дороге думая, что какой-то Бобышкин сегодня странный, наркоты кучу дал ни с того ни с сего.

В отряде Бацилла понял, что отраву Бобышкин на шмоне отмёл и утаил по-тихому. Куда её девать, не знает, так как нет ещё у него опыта. Вообще хорошо, что так получилось, для нашей совместной дружбы даже очень хорошо. Надо отблагодарить его, чтобы ему понравилось. Лишние «ноги» в зоне не бывают, решил Ясин. Вечером Коля со своими близкими раскурили траву и вмазались ханкой, часть которой продали. После чего собрали больше денег за её расчёт, чем это стоит. Коля пояснил приятелям, что это будет грамотное вложение денег на будущее.

На следующий день Ясин принёс Бобышкину отличный финский нож с наборной ручкой и в чёрных кожаных ножнах.

– Приветствую, Алексей Адамович. – сказал Ясин и достал из рукава телаги нож. – Это тебе, в качестве благодарности, за вчерашнее.

– Я, если честно, думал, что это стоит дороже ножа. – удивился Бобышкин. – Как-то это несерьёзно Коля.

– А ты ручку раскрути, Алексей Адамович, нож – за отношения.

Бобышкин открутил тыльник ножа и увидел там скрученные в трубочку деньги. Достать их не стал, закрутил всё обратно и положил нож в ящик стола.

– Потом посмотрю, вопросы есть?

– Нет, если что-то будет как вчера, всегда рад помочь Алексей Адамович.

– Потом поговорим, ладно, иди.

Ясин ушёл в отряд. Бобышкин сидел и думал, что ему делать с деньгами, а вдруг это подстава, надо проверить. Он положил нож в мусорное ведро, закрыл крышкой и пошёл за зону. Он знал, что если его вдруг будут хлопать, то это будут делать именно сейчас, думая, что деньги у него с собой, а их нет. Он вышел за зону и зашёл в штаб – ничего не произошло, всё как обычно. Потом он пошёл посидел в своей машине и опять зашёл в штаб за зоной – опять ничего. Лёша вернулся в свой кабинет в зоне, сел в кресло и стал смотреть на мусорное ведро. Деньги в зоне он ещё ни разу не брал.

Прошло полчаса, но за ним никто так и не пришёл. Значит Бацилла нормальный мужик, порядочный и ему можно верить. Бобышкин достал нож из мусорного ведра, раскрутил ручку и вытащил две с половиной тысячи. Самые лёгкие деньги, шёл и нашёл. Бобышкин положил деньги в фуражку и пошёл за зону. Старый приём, так как в случае чего можно смело сказать, что кто-то специально их туда подкинул.

Бобышкин вышел за зону, сел в свою машину и от волнения закурил. Он чувствовал, что нервничает, но доступность лёгких денег все нервы потом свела на «нет». Продажа ножей, нард, картин и прочих маклей было пылью на сапогах моряка по сравнению с этим ощущением. Удовольствие, от лёгких денег, переполняло Бобышкина через край. Он из воздуха поднял больше, чем половина его зарплаты за месяц.

– Вот теперь я точно люблю свою работу! – сам себе вслух сказал Бобышкин и аккуратно положил деньги под резиновый коврик.

С тех пор Бобышкин все изъятые наркотики в зоне, неважно какими способами, продавал Коле Ясину. Через месяц стало ещё проще. Сестра Таня начала передавать брату, вместо чая и сигарет, ханку и план, а Бобышкин имел деньги за занос. Одно другому не мешало, всё, что приносило прибыль, обязательно продавалось. Порой казалось, что там, где-то в зоне, есть бездонная бочка, набитая деньгами. Лёша, конечно, опасался заносить наркоту в зону, но он, сделав вывод из первого опыта, заносил наркотики и выносил деньги исключительно в трусах. Так было надёжнее, да и кто посмеет оперу в трусы лезть.

Бобышкин даже не заметил, как начал заносить и продавать наркотики в зоне почти каждый день. Лёшу это уже не волновало, так наверно делали все опера в Полтиннике. Все были заняты своими делами и не лезли друг к другу, а отношение к работе было обычной показухой.

Глава 2

ИК-3. Матрац

Васильев проводил проверку наличия осужденных в колонии. Он зачитывал фамилии по формулярам, осужденные выходили из строя и называли своё имя и отчество. Он лично проверял свои отряды три, четыре раза в неделю, с целью обоснованного вызова своих агентов. Чтобы агента не засветить, Васильев вызывал ещё пять, шесть человек, среди которых должны быть обязательно разношёрстные осужденные. Легендой, как правило, служило нарушение формы одежды, плохая стрижка или вопросы по трудоустройству.

Васильев в кабинете читал им по очереди лекции о нарушении правил внутреннего распорядка. Потом говорил, что пока обойдётся профилактической беседой, строго следил за временем и отпускал в отряд. На беседу он тратил пять минут. В этот раз ему был нужен осужденный Махаев Никита, который месяц не появлялся у Васильева на встрече.

– Здорово Никита, как дела? Что нового в зоне, почему не заходишь или повода нет? – спросил Васильев Махаева.

– Василий Васильевич повод есть, идти опасно, сам ждал, когда вызовешь.

– Почему опасно, что-то интересное есть?

– Где наркотики проплывают, там всегда опасно. – Махаев начал набивать себе цену. – Эки всегда ухо остро держат. Я случайно рядом оказался возле двух нариков и сразу идти в штаб не мог, подозрительно будет.

– Что за тема?

– Матрац отраву ждёт, которая будет в передаче. От кого не знаю и кто привезёт тоже не знаю.

– А как дело было?

– Я в каптёрку заходил за вещами, а он там с кем-то базарил, за шторкой не видно. Это было ровно пять дней назад. С их слов я понял, что отраву привезут недели через две. Я подумал, что неделю выжду и сам к тебе пойду под каким-нибудь предлогом. А ты как чуял, сам меня выдернул.

– Понятно. Никита, время на исходе, если всё нормально будет с Матрацем – обращайся. Помогу чем смогу.

Васильев был вынужден прекратить разговор, так как время заканчивалось. Любая задержка могла привести к лишним вопросам от эков к Махаеву.

– Василич, я домой хочу быстрее и больше мне ничего не надо.

– Ну вот и будем постепенно готовиться к УДО, если будем с тобой хорошо работать.

Васильев ждал передачу на Матраца и через неделю приехала его мама. Васильева смутило, что передачу привезла именно мать Матраца. У него не укладывалось в голове, что мама может привезти наркотики сыну. В любом случае такую информацию нужно обязательно проверить.

Матрац, он же осужденный Шендорович Сергей Дмитриевич, давнишний наркоман. Он «сидит» на ханке ещё с восьмидесятых, как и сидит постоянно в зонах за хранение и употребление наркотиков. Васильев знал, что эта информация почти стопроцентная, оставалось только найти наркоту в передаче. Сделать это надо в присутствии Шендоровича, чтобы не было вопросов к порядочности оперативника. Шендорович должен лично подтвердить, что вещи и продукты в передаче именно его. Всё, по справедливости, честно и обоснованно.

Не пойман – не вор, а но воре и шапка горит! Васильев заметил, как Матрац невольно почесал себе шею и подбородок. Шендорович сделал удивлённое лицо, с видом, а что случилось гражданин начальник? Каждый опер знает, что у наркомана в голове только одна извилина и она всегда ведёт в вену.

Разложив передачу на столе в кабинете Васильева, Шендорович начал выкладывать всё содержимое из прозрачных пакетов на стол. Обычный набор передачи от мамы сыну: носки, трусы, мыло, туалетная бумага, сигареты, спички, две палки колбасы, варёные яйца, печенье, чай, леденцы, сгущёнка, пирожки, булочки и опись самой передачи. Сверив содержимое с описью, Васильев удостоверился, что всё на месте и ничего лишнего нет.

– Осужденный Шендорович, в вашей передаче имеются запрещённые предметы, наркотики, алкоголь? – официальным тоном спросил Васильев.

– Да ну, гражданин начальник, мама же приезжала. Ничего нет.

– Ну что ж, преступим.

Васильев начал проверять передачу. Прощупав одежду, в особенности швы и резинку трусов, ничего не обнаружил. Дальше пошли сигареты, каждая по одной – опять ничего нет. Потом он аккуратно разрезал колбасу, пирожки, булочки и опять ничего не обнаружил, всё чисто. После этого пошли конфеты одна за одной, с разворачиванием каждой, яйца, которые были целые и не битые, в общем ничего запрещённого там не было. Значит в сгущёнке, понял Васильев, вариантов больше нет. Он уже знал, что на воле давно научились закатывать в сгущёнку всё, что угодно, вплоть до спирта. Открыв сгущёнку, Васильев перелил её в пакет, в котором наркотиков не оказалось.

– Я же говорю Вам гражданин начальник, нету запрета, мама же приезжала. – уверенно сказал довольный Шендорович.

М-да? Действительно ничего нет, подумал Васильев. Информация стопроцентная, а ничего нет, как же так? Васильев был уверен, что в передаче должна быть наркота, но её нет. Он не мог промахнуться или всё-таки мог? Васильев позвонил в дежурку и позвал инспектора отдела безопасности. Когда тот пришёл, он сказал ему посидеть с Шендоровичем в кабинете, так как ему нужно срочно выйти.

Вася вышел из кабинета и пошёл покурить. Покурить и подумать, как получилось так, что в передаче ничего нет. Источник ещё никогда не подводил, а тут нет ни хрена. Вызывать сейчас агента было глупо. Его быстро «срисуют» эки, что он приходил в штаб – лишние вопросы ни к чему. Так, что же делать, где отравы? Может её действительно нет, а если есть? То получается, что опер лох что ли? Ладно, пойду к Петровичу за советом, он опытный, подскажет, что делать.

Петрович сидел в кабинете с комендантом промышленной зоны Орехом. Они курили, пили чай и Орех кого-то усиленно сливал, но увидев Васильева, сразу засобирился и попрощавшись, быстро убежал по срочным делам.

– Петрович, тут такая тема. Смотрю передачу на Матраца, сто процентов должна быть отравы. Всё обыскал, ничего нет, что делать? Источник верный. Может ошибка, так как передача от мамы, но нет ничего, хоть убей.

– Матрац, Шендорович, который из восьмого отряда? Старый такой? – уточнил Петров.

– Да, он самый, а что?

– Он опытный наркоман и очень хитрый. Он у нас уже третий раз сидит, а что в передаче? Какие вещи и продукты?

– Да всё как-обычно, заварить, закурить, пожрать, да мыльно-рыльное.

– Матрац сейчас у тебя в кабинете?

– Да, с инспектором сидит, пока я вышел.

– Пойдём посмотрим, что там у тебя.

Они зашли в кабинет и Шендорович, увидев старую гвардию, сразу заулыбался. Он знал, что Петров просто так катать вату не будет.

– О-о, Пётр Петрович, здарсьте! Моё почтение, давно Вас не видел. – поприветствовал Шендорович Петрова и насторожился.

– Здорово, здорово Матрац, как дела? Как мама? Богато живёшь, я смотрю!

– Да ну, откуда деньги, сами видите какая передача скромная.

– Ну, ну, то-то я смотрю мать за тридевять земель по мелочи решила привезти. Сколько ей к тебе ехать, километров триста, если мне память не изменяет? Да Матрац? – Петров начал вопросами давить на Шендоровича.

– Соскучилась старушка, что-ж я ей запрещу, что ли? – начал оправдываться Шендорович.

– Ладно, что попусту базарить, значит говоришь запрета нет? Давай посмотрим.

Петрович окинул взглядом всё содержимое передачи на столе.

– А яйца смотрел?

– Ну да, смотрел, яйца и яйца, а что не так? – удивился Васильев.

– Жаль не пасха, давай ты чистишь, а я разрезаю. – распорядился Петров.

Васильев не понял, что не так с яйцами, но стал их чистить и подавать Петровичу. Петрович разрезал первое яйцо и достал из него капсулу. Это был толстый стержень от шариковой ручки, длиной полтора сантиметра, запаянный с двух сторон. Он разломал его и выдал оттуда ханку.

Васильев не подал виду перед Матрацем, что удивился, но радость его переполняла через край. Ну Петрович, ну даёт, я бы никогда не подумал, что так можно спрятать. Только как они это сделали? Яйца целые, не мятые, обычные трещины после варки. Ему не терпелось быстрее у Петровича узнать, как это делают.

В итоге из двадцати яиц достали десять капсул с ханкой.

– Ну что Матрац будем делать? – спросил Петров. – Не стыдно маму подставлять? Маме наверно привезли передачу и оплатили проезд, такие же наркоманы, как и ты Матрац. Вот сейчас оформим вас обоих и сядет твоя мама за поставку наркотиков.

– Наказывайте, что я могу ещё сказать. – ответил Шендорович, повесил голову, а про себя подумал, что с яйцами уже не катит. Надо думать, что-то новое, что-то такое, кто ещё не делал.

Петров и Васильев доложили про изъятую наркоту Зубову и пошли с Шендоровичем в туалет.

– Так Матрац, процедуру знаешь, вопросов естественно нет. – сказал Петрович и бросил капсулы с ханкой в унитаз.

Васильев дёрнул за верёвку и смыл всю наркоту в канализацию. Матрац, почти со слезами на глазах, смотрел в водоворот, который поглотил столько прекрасного и чистого продукта. При этом он считал на сколько денег попал, которые надо будет рано или поздно возвращать.

– За что писать, за курение как-обычно или как? – спросил Шендорович.

– За курение, иди в дежурку там тебя уже ждут. – ответил Васильев

– Сколько? – опять спросил Шендорович.

– Ну ты же знаешь, пятнадцать, а там посмотрим, как вести себя будешь.

Матрац прошёл по коридору в дежурную часть, поздоровался с оперативным дежурным и попросил листок с ручкой. Он пояснил, что случайно закурил в неподобающем месте и надо срочно ехать в изолятор. Дежурный выдал листок и ручку, Матрац написал объяснение и зашёл в стакан. Там он стоял и ждал, когда хозяин выпишет пятнадцать суток. Не срослось, сделал вывод Шендорович, подводя итоги сегодняшнего дня.

– Петрович, а как ты понял, что отравы в яйцах, они же целые? – спросил Васильев.

– Старый приём. Варишь яйца, но по два или три, так как сразу все зарядить не успеешь. Как только начинают появляться трещины, сразу увеличиваешь температуру на плите. Яйцо лопаётся. Ты его в это время достаёшь и аккуратно раздвигаешь скорлупу. Засовываешь капсулу и сразу в ледяную воду опускаешь. Яйцо сжимается. Убираешь лишний белок со скор-

лупы и всё. Яйцо практически целое, с виду и не подумаешь, что внутри что-то есть. Но это Василий Васильевич прошлый век. Сейчас они с луком так делают, вот там вообще не видно.

– В смысле?

– Новая тема. Из грядки достают молодую головку лука и аккуратно, сверху между перьями, делают надрез. Засовывают во внутрь капсулу и обратно в грядку. Лук растёт и надрез зарастает, а потом по лагерям развозят и продают. Говорят, что также с яблоками уже научились делать, когда они ещё растут на дереве, но я пока таких не ловил.

– Петрович, а почему мы милицию не вызовем и не оформим их?

– Понимаешь, Василий Васильевич, если всё оформлять, как положено, то надо будет много бумаги исписать. Много людей наказать, включая и нас с тобой, что плохо работаем.

– Почему?

– Не владели оперативной информацией и пропустили наркотики в зону.

– Как не владели? Я владел. Мы же их нашли по информации.

– Обнаружили мы их уже внутри зоны, а должны найти у его мамы за зоной. Мама скажет, что подкинули, а это так и есть, кто подкинул неизвестно, скажет, что ничего не знает. В итоге получится тёмный лес. Работы милиционерам подкинем лишней, а на нас пятно повиснет. Управление будет носом тыкать, что дело не довели до конца и наркотики пропустили в зону. Наша задача предотвращать поступление наркотиков в колонию и наказывать осужденных за такие попытки, что мы с тобой и сделали. Это милиция должна была, ещё на подходе этой мамы к нашей зоне, отработать её с наркотиками. – доходчиво пояснил Петров.

– Так может выяснить у мамы Матраца, кто ей передачу привозил? А потом информацию сообщить милиционерам.

– А вот это лишним не будет. Допроси её, пока она здесь, если что расскажет интересного, сообщишь в райотдел. Только без подробностей, скажешь, что информация от агентуры.

Васильев подробно допросил маму Матраца и на следующий день дал оперативную информацию операм из райотдела.

Вася был доволен, что день прошёл не зря. Наркоту перехватили, Шендорович в изоляторе, агент Махаев молодец, что в очередной раз не подвёл. В зоне порядок и сразу видно, что кумовья работают. Но самое главное то, что есть наставник Петрович, который всегда поможет.

ИК-12. Ломка

Шмаров приехал в зону в четыре утра. Он уточнил у оперативного дежурного и нарядчика Лучёва обстановку в зоне за ночь. Попил кофе в кабинете и пошёл в штрафной изолятор на подъём, который начинается в пять утра. С последнего этапа в ШИЗО закрыли одиннадцать человек из двадцати девяти. С непонятливыми нужно было много работать, чтобы они осознали свою вину и положение. Только после хорошей профилактики их можно выпускать в карантин. Обычная работа, которая требовала много времени и сил, а этого у Андрея было предостаточно. Радовало то, что руководители оперативного отдела и колонии выписали ему на всё зелёный свет.

Осужденный Калугин очнулся на полу, свернувшись калачиком у стены. В камере горел свет. Он не знал какое было время суток, день или ночь. Всё болело, но он об этом не думал. Суки, суки, за что они его опустили, за что? Что теперь делать? Калугин осмотрелся. Школари пристёгнуты к стене, в углу лежали скомканные вещи, это была его роба. В камере больше никого не было. А может всё это сон, подумал Калуга и нехотя потянулся рукой к анусу. Проведя между ягодиц, он посмотрел на неё и увидел на пальцах запёкшуюся кровь и говно.

– А-а-а-а! – заорал во всё горло Калугин.

– Подъём, подъём! – ответили ему за дверь в коридоре. – Изолятор подъём, все на выход, к стене, руки в гору. – громко кричал прапорщик.

Изолятор ожил как большой муравейник. Все бегом, бегом, бегом, стуки, удары, доклады зэков. Заскрипели ключи в двери камеры, где находился Калугин и открылась дверь.

– Что-то я не понял? – удивился Шмаров. – А тебя не касается команда подъём? Бегом оделся, встал в квадрат, жду доклад, время минута.

Калугин не шевелился.

– Ну что же, ты не первый и не последний. Парни. – крикнул Андрей, глядя в коридор. – Тут у нас нарушитель распорядка дня образовался. Нужно научить этого гондона режиму.

В камеру зашли три здоровых сотрудника с засученными рукавами. Нанося удары руками и ногами, при этом не скупясь на болевые приёмы, они одели Калугина в робу за одну минуту. Потом, пиная по ногам, поставили его в белый квадрат, нарисованный на полу.

– Докладывай. – сказал один из них. – Громко и чётко.

– Гражданин начальник... – тихо начал свой доклад Калугин, но сразу получил кулаком по левому уху и полетел, от удара, в стену.

– Тебе же сказали, громко и чётко. Это, что за сопли, ещё раз. – скомандовал Шмаров.

– Гражданин начальник, осужденный Калугин... – и опять получил по левому уху, и снова полетел в стену. В ухе уже зазвенело по-настоящему.

– Ты не понял, что ли? Громче, громче, ноги вместе, пятки вместе, носки тоже вместе, голову выше. Ещё раз.

Через полчаса, после внесения таких поправок в доклад, Калугин орал его как пулемёт. Чётко, громко, без запинки и вытянутый как струна. Потом был пятиминутный завтрак. Кормили по принципу – последнему пайку дали, а у первого уже забирают тару. Завтрак доест у Калуги не получилось.

По распорядку дня началось личное время. Калугин стоял в белом квадрате и громко вслух читал правила внутреннего распорядка, которые держал перед собой. Как он должен проводить личное время, ему объяснили примерно так, как одевали в робу и учили форме доклада. Шмаров ходил вокруг него, читал лекцию и постоянно напоминал про фотосессию.

– Ты, осужденный Калугин, не думай, что один такой – здесь все такие. Ты не переживай, белой вороной не будешь. Отсидишь в ШИЗО и к своим в зону выйдешь. Один раз не пидорас! Будешь хорошо себя вести, может на работу пойдёшь, но всё зависит от твоего примерного поведения.

Калугин терпел и терпел, он ждал отбоя и ночь. Впервые в жизни он так сильно ждал ночь. По отбою ему отстегнули шконку, а в знак поощрения, выдали вату, подушку и одеяло. Он развернул вату на шконке и стоял в квадрате, как того требовал закон. Он ждал отбоя. Услышав команду отбой, Калуга лёг на шконку, обнял подушку и укрылся одеялом.

Калуга думал о том, что за день он не увидел ни одного зэка. Видел только руки с наколками в кормушке во время приёма пищи. Мыльно-рыльное, ПВР, даже вату принёс инспектор. Интересно, почему его не выводят из камеры? Непонятно. Да, зэков он не видел, но слышал их чётко, как и они его. Теперь стало понятно, почему один по этапу не приехал. А это конечно идея – грызть вены, хотя в глубине души он знал, что это всё равно ничего не изменит. Он-то знал, что его опустили. И даже окажись в другой зоне, как он скажет по приезду – мужик по жизни, петух по мусорскому беспределу? Блядь, да так не бывает, это какой-то полный пиздец.

Калуга хотел спать, но больше всего он хотел уехать отсюда, уехать куда угодно и как угодно. Убрав в сторону одеяло, он впервые за сутки осмотрелся в камере. Обычная камера, шконари, откидывающиеся на навесах и цепях, которые их держат. По две шконки на каждой стене, окно с решёткой на улицу размером с телевизор. Входной стакан из арматуры, очко, умывальник. Ничего интересного, всё, как и везде. Но нет, не как везде, заметил Калуга.

Ничего нет деревянного, пол – бетон, шконарь – железо, везде бетон и железо. Деревянная была только туалетная бумага.

Ну да, подумал Калуга, конечно, понял он. Здесь нет ничего кроме трусов, тапочек, майки, ну и конечно туалетной бумаги. Есть ещё старая вонючая тряпка для мытья очка. В этой колонии на ночь сдают верхнюю одежду и взамен получают постельное бельё. Мыльно-рыльное, чтобы умыться и почистить зубы, выдали на пять минут. Поест, выдали на пять минут. Больше пяти минут наверно можно было только срать. Хотя он ещё не смог сходить в туалет по большому и точно этого не знал. Не было ограничений по времени на читку вслух правил внутреннего распорядка, стоя в квадрате.

Калугин внимательно осмотрел потолок и понял, что его нет. Сверху был металлический коридор для прапорщиков. Да-а, подумал Калугин, ни хрена меня сегодня увлекли изучением новых правил, что я даже не заметил, что нет потолка. Надо что-то делать, надо что-то делать, здесь нельзя оставаться. Он был готов, а к чему он был готов? Вдруг осознал Калуга.

Он сидел два раза, ну били, базара нет. Но если били, то только всегда за дело, и то, что сам тупил, когда палился с запретом. Ну по приезду – это не считается, так должно быть. А тут бьют за всё, чего он даже не знает. Калуга посмотрел на белый квадрат, нарисованный на полу. Лучше бы мишень нарисовали или крест, подумал он, понятнее бы было для чего. Так, а к чему я готов? Я никогда не делал этого, вены не резал, что ещё там может быть? Как тот, кто не приехал, не грыз их зубами. А ведь я никому не нужен, понял Калугин, родных нет, сирота. У меня есть только приятели побухать вместе, такие же мелкие воришки, как и я.

Калуга размышлял о своей жизни, и не заметил, как уснул. Ему снилось как связанный Шмаров висит под потолком на верёвке вниз головой. Калуга, не останавливаясь, колет его ножом в живот, спину и грудь. От резких ударов ножа кровь брызгала в лицо Калуге. От каждого удара ножом он получал удовольствие. Калуга чувствовал тёплую кровь Шмарова, которая текла по его телу.

Вдруг он резко проснулся от того, что чувствует у себя на лице эту самую тёплую кровь. На него сверху струйкой лилась вода. Какая странная вонючая вода, подумал Калугин. Он посмотрел вверх и увидел, что на него мочится Шмаров.

– Ну что, говоришь обосышь меня? Ну, ну, только вот всё наоборот. – захохотал Шмаров и демонстративно стряхнул с члена последние капли мочи на Калугина.

Калугин заорал и стал биться головой о стену и решётки, всё сильнее и сильнее.

– На, на, на. – кричал Калуга и тут до него дошло. Угол шконки! Точно, угол! После первого удара об угол полилась кровь. – Ага, получайте, на, на, на. – дальше кричал он и упал, потеряв сознание.

Через секунду он очнулся и уже ничего не видел, кровь залила глаза.

– Руки, руки, руки. – Калуга начал грызть руки зубами. – Вены, вены, где вены?

Всё было в крови. Он метался по камере как загнанный зверь. Рычал во всё горло и уже ничего не понимал, что с ним происходит.

Прибежавшие сотрудники кое как поймали Калугина и застегнули наручники за спиной, по принципу руки и ноги вместе. Пришёл доктор Аметисов и что-то вколол в ягодицу.

– Андрей Андреевич, Вы бы хоть заранее предупреждали, что у вас тут мероприятие. – недовольно сказал Аметисов. – Я бы на обход не пошёл.

– Мероприятие было неплановое, делайте свою работу доктор, а я свою. – спокойно ответил Шмаров.

Вскоре успокоительное произвело свой эффект. После этого Калугина помыли водой из шланга. Аметисов перевязал ему голову и забинтовал руки.

– До утра пусть в браслетах спит. – порекомендовал Аметисов. – Утром ещё раз кольнём успокоительного, а там посмотрим. В целом ничего особенного. Андрей Андреевич, оформлять его будем?

– Хули его оформлять? Он же живой. – удивлённо ответил Андрей.

Калуга поплыл от увеличенной дозы успокоительного и уснул. Шмаров с чувством выполненного долга пошёл работать со следующим осужденным.

ИК-50. Колпак

Коля Ясин рано утром пришёл к Бобышкину в кабинет.

– Освобождаюсь! – радостно сказал Бацилла. – Суд сегодня прошёл, десять дней и дома!

– Это хорошо, молодец, заслужил. – похвалил его Бобышкин.

– Вам спасибо Алексей Адамович.

– Да за что? Ты вроде сам УДО заработал, «помогал» мне.

– Ну всё равно, как говорится, Вашими молитвами.

– Что я без тебя делать буду? – разочаровано спросил Бобышкин. – Теперь все наши дела на ветер. Где я такого способного ещё найду?

– Алексей Адамович, если хотите, могу познакомить с хорошими ребятами, им ещё долго сидеть. Да Вы их и так знаете.

– Кто такие, что могут?

– Всё могут. Как я мог, так и они могут. Есть два человека, оба надёжные, можете не переживать.

– Кто конкретно?

– Женя Кривенко по кличке Солдат и Дима Пашин по кличке Баламут. Они по жизни в теме, деньги, подвязки, всё при них. Из оперов ни с кем не общаются, да и нужды не было. Вы же у нас есть.

– Я подумаю.

– Думайте. Если что, любого из них вызывайте и напрямую говорите, что надо. Дима Баламут за писаря в отряде остаётся, а Женя Солдат чисто кореш его. Вы лучше Диму дёрните, а там сами разберётесь что к чему. Движуха та же, цены те же. По маклям нам ничего не мешает по-прежнему двигаться, теперь тем более я на воле.

– Ну что же, тогда пока. Увидимся на свободе.

– Увидимся, гражданин начальник.

Коля Ясин освободился. Бобышкин не торопился вызывать тех, кто готов принять эстафету. Он немного побаивался, так как привык к Коле. Но время шло и с каждым днём Бобышкин начал чувствовать, что его карман худеет. Вскоре настал тот момент, когда он действительно начал ждать день зарплаты. Непривычное чувство для Лёши.

– А я уж думал, что не вызовите. – сказал Дима Пашин, сидя в кабинете у Бобышкина.

– А куда вас девать? Коля сказал, что с тобой можно дела иметь.

– Можно, ничего нового, всё как раньше. Сестра Коли Ясина, Таня, моя бывшая девушка, но для нашего дела это не проблема.

– Так что у нас по плану Баламут?

– Я маляву ей напишу, а Вы передайте. Она Вам всё отдаст, включая ваши деньги.

– Договорились. – сказал Бобышкин в предвкушении того, что жизнь налаживается.

Бобышкин приехал на знакомый ему адрес и передал маляву Тане. Она попросила подождать пять минут, после чего вынесла Бобышкину небольшой свёрток с ханкой, деньги за работу и записку. На следующий день Бобышкин вызвал Пашина и всё ему отдал.

– Алексей Адамович, если Вы не против, иногда мой кореш будет заходить, Вам Коля про него тоже говорил. – сказал Пашин.

– Зачем?

– Так безопаснее и нам и Вам. Если я к Вам буду частить, то ко мне внимания много будет.

– В принципе верно. – задумчиво ответил Бобышкин. – Хорошо, пусть заходит, как там его?

– Женя Кривенко, кликуха Солдат.

– Договорились, будете по очереди ходить.

Пашин ушёл в отряд. Бобышкин подумал, что так действительно безопаснее. Чем больше народу к нему ходит, тем больше путаницы, кто и зачем приходил.

Жизнь Бобышкина вернулась в прежнее русло. Исчезли проблемы с деньгами. Новые компаньоны оказались хорошими ребятами, не жадными и пунктуальными. Они никогда не динамили и всё делали вовремя. Как и договорились, Бобышкин вызывал Пашина и Кривенко по очереди. Со временем Лёша опять начал возить макли на продажу Тане и иногда там встречал Бациллу. Они выпивали в кафе на рынке, вспоминая тюремную жизнь.

– Дневальный. – крикнул Бобышкин. – вызови мне Кривенко.

– Алексей Адамович, так его в СИЗО вчера увезли. – ответил дневальный.

– Да? – удивился Бобышкин. – Тогда Пашина, писаря из моего отряда.

Через десять минут прибежал Баламут и Бобышкин отдал ему наркотики.

– А что с нашим Кривенко случилось?

– За добавкой поехал. Ему там ещё одну кражу хотят повесить.

– Не знал, ну ладно. Что там у нас на завтра, будем двигаться?

– Будем. Дайте листок с ручкой, а то я не успел в отряде маляву черкануть.

Бобышкин дал Пашину листок и ручку. Он быстро написал Тане, что передать в зону. Два коробка марихуаны, немного плана и десять ляпов ханки.

– Всё нормально Алексей Адамович, можете прямо сегодня к Тане заехать. Она Вам всё отдаст.

– Хорошо, заеду.

Бобышкин вечером приехал к Тане, отдал записку, а потом забрал наркотики и свои деньги за работу. Он вышел из подъезда и увидел перед собой серую Волгу. Из открытой двери на него внимательно смотрел Горлов. В это время двое рослых парней подхватили Лёшу за руки и силой усадили на заднее сиденье рядом с Горловым. Горлов Александр Михайлович, подполковник, временно исполняющий обязанности начальника оперативного управления.

– Ну здравствуй, молодой человек. – сказал Горлов.

– Здравия желаю, товарищ подполковник. А что случилось? В чём дело? – кое как выговорил Бобышкин, так как у него задрожали руки и ноги, его всего трясло от испуга.

– Ничего мне сказать не хочешь? Сам всё покажешь или полный обыск проводить будем?

– У меня ничего нет товарищ подполковник. Я к знакомым в гости заходил.

– Слушай меня внимательно. У меня нет времени тебя уговаривать. Доставай марихуану, план, десять ляпов ханки и пятьсот рублей пятью купюрами. – Горлов достал из кармана листок, на котором были копии купюр. – Вот смотри.

– Я, я. – Бобышкин начал заикаться от испуга. – Я больше не буду.

– Тебе срок светит товарищ лейтенант. Десять лет за хранение и сбыт наркотиков, понимаешь? – Горлов угрожающе посмотрел на Бобышкина. – Признаешь свою вину?

– Да, да, признаю.

– Доставай всё из карманов.

Бобышкин достал из кармана наркотики, деньги и письмо. Всё содержимое разложили на сиденье между Горловым и Бобышкиным. В этот момент Бобышкин увидел, что это всё снимают на большую видеокамеру с переднего сиденья. На водительском сиденье второй мужчина уже описывал в протоколе, изъятые наркотики и деньги.

– Товарищ подполковник можно с Вами один на один поговорить? – обратился Бобышкин к Горлову.

– Сейчас всё оформим и поговорим. Держи бумагу и ручку, пиши объяснение, всё полностью и подробно, где, как, с кем, за что и когда, пиши давай.

Бобышкин, трясущимися руками, долго описывал свои дела, иногда Горлов ему подсказывал и диктовал что писать. От волнения у Бобышкина голова шла кругом, но через полчаса усилий, он описал свои подвиги на трёх листах. Горлов всё внимательно прочитал и сказал своим людям выйти из машины.

– Я слушаю тебя. О чём ты хотел поговорить?

– Не садите меня, пожалуйста, я больше не буду. Ну что хотите сделаю.

– А теперь Лёша слушай меня внимательно. Как ты понял, срок уже имеешь, причём не малый. Если не хочешь в тюрьму ехать...

– Не хочу, не хочу.

– Не перебивай. Если не хочешь сидеть, будешь делать всё, что я скажу. Мальчик ты уже взрослый, плохому я смотрю быстро научился. Будешь работать на меня. Но если ты думаешь, что меня только информация интересует, то ошибаешься.

– А что ещё?

– Много чего, со временем узнаешь. Понятно?

– Понятно.

– Слушай дальше. Если надумаешь с зэками разборки устраивать – сядешь. Кому-нибудь об этом расскажешь – сядешь. Не выполнишь мои указания – сядешь. Надумаешь уволиться и уехать – сядешь. Начнёшь меня игнорировать...

– Сяду. Понял я всё товарищ подполковник. Бегать не буду, всё буду делать как скажете. Только что делать надо?

– Молодец, раз всё понял. Пока делать ничего не надо, служи, живи, набирай агентуру. Следи за всеми сотрудниками, особенно за старшими. Короче внедряйся везде и ко всем. Выделяться из толпы не надо. Двигайся по наркоте и прочим делам, как и все опера.

– В смысле?

– В прямом. Налаживай более обширные связи и поднимай бабло. Только не так поглупому, как сегодня. Ну естественно и меня не забывай, но об этом позже. В общем живи и работай как раньше. Настанет время, я найду тебе применение. Ко мне без вызова не заходи, этих ребят, которые со мной, забудь. Запомнил или повторить?

– Запомнил. То есть Вы меня отпускаете?

– Да, только не далеко, помни об этом и не забывай. Твои дела срока давности не имеют. Видеозапись и все документы будут храниться в надёжном месте. Об этом тоже всегда помни, ещё вопросы есть?

– Нет. Какие тут уже вопросы. То есть можно идти?

– Алексей, отнесись к этому серьёзно, с головой, а не то. Ну ты понял меня. Можешь идти.

Бобышкин, еле волоча ноги, пошёл к своей машине. Дрожащими руками, кое как, открыл дверь и сел в неё. Убедившись, что Волга уехала, выкурил подряд три сигареты и немного успокоился. Потом он походил вокруг машины и поехал домой бухать как последняя скотина, осмысливая произошедшую ситуацию.

Лёша понял, что его развели как лоха. Медленно и не торопясь, чтобы он расслабился и потерял бдительность. Теперь понятно, что Солдат не за добавкой уехал в СИЗО. Он уехал слить информацию. Бобышкин винил себя во всём, а напившись, начал винить всех вокруг. А как они узнали номера купюр? Да он даже не смотрел на них, может это и не эти номера? Хотя он туда уже как к себе домой ходил. Может их тоже на крючок посадили, вот они меня и сдали. Нет, тут так просто не разобраться. От догадок, водки и выкуренной пачки сигарет у него разболелась голова. Бобышкин уснул за столом, уткнувшись лицом в тарелку.

Проснувшись утром, Бобышкин позвонил на работу и отпросился на один день по семейным обстоятельствам. Потом похмелился и сделал выводы, что нечего гадать о том, как его взяли. Сказали к этим уродам не лезть, значит не лезть. В тюрьму не отправили, жить и работать дали, значит пусть так и будет. Тем более разрешили дальше двигаться по зоне. Всё что не делается, делается к лучшему, рассудил Бобышкин. Потом ещё раз напился и в обед лёг спать до самого утра. Теперь он был под колпаком.

Глава 3

ИК-3. И смех и грех

Васильев сидел в кабинете за зоной и занимался документацией. Писал бесконечные шкуры, шил дела и наводил порядок в сейфе. Совместив необходимое с полезным, он ждал срочного сообщения от своего агента на бесконвойке осужденного Ляскина. По оперативной информации, к бесконвойнику, осужденному Левину должны привезти наркотики. Васильев хотел взять его с поличным. Он был против вывода за зону осужденного Левина, но руководству, как всегда, виднее. Осужденный Левин обычный наркоман, но начальство решило, что он должен работать на бесконвойке до первого залёта.

В кабинет зашла Ирина с письмом в руках – новенькая девушка в колонии, работающая у нас цензором.

– Василий Васильевич, прочитайте письмо пожалуйста. Я ничего не пойму, вроде как не от нас пишут. Письмо очень странное. Может специально так написано, чтобы я не поняла и пропустила его на почту. – сказала Ира и отдала письмо Васильеву.

Васильев взял письмо и начал его изучать. Наш адрес верный, ИК-3, отряд № 4. Осужденный Мясковский пишет девушке Теплицкой Анастасии, всё пока нормально. Васильев начал читать текст письма.

«Здравствуйте Настя и Алёна. Увидели в газете ваше объявление в разделе знакомств и решили вам написать. Мы, именно те молодые и весёлые ребята, которых вы ищете. Нас зовут Алексей и Евгений. Мы служим в Испытательном Корпусе № 3. Я, старший лейтенант Мясковский Алексей, лётчик-испытатель отряда № 4, а лейтенант Рыклин Евгений, танкист-испытатель отряда № 7. Мы, в свободное от испытаний военного вооружения время, любим слушать музыку и смотреть исторические фильмы. Много читаем научной и художественной литературы. Я, то есть Алексей, уже испытал два секретных самолёта и вот сейчас, второй год, испытываю третий самолёт. Женька испытывает свой второй танк, пока первый год.

Служба наша очень опасная и никогда не знаешь, что ждёт тебя на очередном испытании секретного вооружения. Но мы уже опытные испытатели и не боимся трудностей. Новые опасности толкают нас только вперёд. Если вы не против, мы хотим с вами переписываться. Но так как мы служим на секретном объекте, свои фотографии выслать не можем. За это у нас сразу объявляют выговор от начальника Испытательного Корпуса. Ещё хотелось бы сказать, что у нас во время службы нет отпусков, не положено из-за режима секретности. Но после окончания испытаний нам предоставляют весь, накопленный за это время, отпуск. Мы сначала хотим с вами поближе познакомиться, увы пока только в письмах. Но если мы вам понравимся, так сказать, найдём общие точки соприкосновения, то после службы хотим провести с вами отпуск. Пожалуйста, пришлите свои фотографии, на нашем секретном объекте это разрешено.

С уважением, лётчик-испытатель старший лейтенант Мясковский А. С. и танкист-испытатель лейтенант Рыклин Е. В.»

– Алло. – Васильев позвонил в дежурную часть. – Где дежурный? Позови. Саныч, вызови в дежурку Мясковский 4-й отряд и Рыклин 7-й отряд. Пусть в клетке меня ждут. Объяснения сразу с них бери. За что? За нарушение устава во время испытания секретных образцов вооружения. Не понял? Ладно, пусть стоят меня ждут, приду в зону и всё объясню. Алло, ну тогда сам выйди, если очень интересно. Тебе дадут письмо почитать, у Ирины цензора возьмёшь.

– Василий Васильевич, я так и не поняла, какие секретные образцы танков и самолётов? Какое вооружение? У нас что ли? В зоне есть танки и самолёты?

– Иди Ира пока работай. Это специальный язык мошенников, потом тебя научу. Дежурный сейчас выйдет из зоны, дашь ему письмо прочитать. Лётчики-налётчики хреновы.

Зазвонил телефон, Васильев быстро взял трубку и представился.

– Василий Васильевич, это я. К нему приехали. Он сейчас со шприцем и отравой пошёл в овощехранилище. Тебе надо быстрее идти, а то можешь не успеть. – сообщил Ляскин.

Васильев быстро положил все дела в сейф и побежал в овощехранилище на территории службы тыла. Забежав во внутрь, он увидел, что Левин уже пережал руку ремнём и целится иглой в вену.

– Левин, стоять, брось шприц. – закричал Васильев.

Левин занервничал, у него задрожали руки. Он начал тыкать шприцем в руку, но в вену попасть не мог. Васильев схватил лопату, лежавшую на куче картошки, и побежал в сторону Левина.

– Брось шприц, а то сейчас лопатой по голове получишь.

Левин уже окончательно понял, что в вену попасть не может и что делать с наркотой тоже не знает. Выкинуть шприц он не мог, так как рука у него не разжималась для такого, невысказанного, действия. Наркоманский мозг в принципе не мог дать такую команду.

– Стой Василич, стой, я всё понял. – сказал Левин, после чего ослабил ремень на руке. – Э-эх, так не доставайся же ты никому! – и воткнул шприц себе в ягодицу.

Глаза Левина рефлекторно закатились, но через секунду он понял, что укол наркотиками в задницу – уже не тот кайф. Кайфа вообще нет.

Васильев плюнул на землю и бросил лопату на картошку.

– Ну ты и дурак Левин. Ну что, поймал кайф?

Левин посмотрел на Васильева грустными глазами и опустил голову.

– Ну что Василий Васильевич стоим ждём, пойдём в изолятор. Здесь ловить больше нечего.

– Пойдём. Руки за спину Левин.

Васильев привёл Левина в дежурную часть, которую было слышно издалека. Там раздавался истерический смех всей дежурной смены.

– Саныч, принимай наркомана, документы делай в ШИЗО. Поймал с поличным, укололся в задницу засранец. Да не смейся ты, в ягодицу наркоты сам себе загнал. – сказал дежурному Васильев.

– Василич, ха-ха-ха, а он что испытывал? Эффект от наркотиков в жопе? Ну ты отжигашь сегодня. Господ офицеров из секретной части примешь на беседу? – закатываясь от смеха, спросил дежурный.

– Заводи, сразу обоих, напарники ведь.

В кабинет к Васильев зашли осужденные Мясковский отряд № 4 и Рыклин отряд № 7.

– Ну что могу вам сказать товарищи офицеры, заслуженные испытатели секретного вооружения. За разглашение государственной тайны испытательного корпуса № 3 вы водворяетесь в гауптфахту. Пять суток каждому. Вопросы? Вопросов нет. Смирно. Кругом. Шагом марш в дежурную часть, а потом в ШИЗО.

Вечером Васильев рассказал Петровичу, как поймал Левина.

– Хорошо, что ловишь с поличным, когда за руку берёшь уже не отвертеться. Правильный подход к делу, молодец! – похвалил Петрович. – Но ты Василич наркоту не изъял, не успел. Зэк всё равно укололся, хоть и в задницу. Тут надо работать на опережение, так что есть к чему стремиться. В следующий раз время не тяни, а лопатой по рукам бей.

День прошёл хорошо. Наркомана Левина Васильев поймал с поличным и посадил в изолятор. Агент Ляскин молодец, как всегда, не подвёл. Цензор Ирина и Васильев, возможно, уменьшили количество матерей одиночек в нашей стране.

ИК-12. Бесконечный карантин

За пятнадцать суток штрафного изолятора Калугин научился делать всё, чего требовал закон. Ибо закон был суров, держа в одной руке резиновую палку, а в другой шприц с успокоительным. Калуга не знал сколько сотен раз перечитал правила внутреннего распорядка, но понял, что человек привыкает ко всему. Он уже по-другому воспринимал шутку про того, который висит на верёвке, сначала подёргается, а потом и к ней привыкает. Калугин вышел из изолятора и бежал в карантин вместе с остальными зэками. Те самые одиннадцать человек, которые тоже не сразу поняли куда приехали.

В зоне был исключительный порядок. Всё покрашено и побелено, везде была разметка, таблички и указатели. Осужденные ходили только строем, передвижение по одному строго запрещено. Он увидел людей – это были овощи с тусклыми глазами, такими же, как у него самого. Начался новый день – день маршировки по плацу и пения песен. Никто в строю не смотрел друг на друга, все отбивали шаг и громко пели.

– Заступ, заступ. – закричал безопасник.

В эту же минуту какого-то осужденного увели в штаб. Он заступил за белую линию на асфальте во время маршировки. Все подровнялись и дальше продолжили маршировать. Калугин думал о том, что этот срок он не досидит. Это была не зона, а что-то такое, чему он даже название не мог придумать. Всё и везде здесь было по стойке смирно, громко и чётко. Все зэки были как будто роботы. Ни чего другого Калугин пока не увидел. Через час вернулся зэк из штаба, совершивший заступ.

– Повезло ему. – кто-то сказал в строю. – Обычно пятнадцать суток дают.

Позже Калуга узнал, что из карантина ещё никто не вышел по истечении двух недель. Минимум месяц пройдёт, прежде чем тебя выпустят в зону. Две недели в ШИЗО обеспечено каждому. И тут до него дошло, что тому зэку не просто так повезло. Наверно он стукач, вот его и отпустили обратно в отряд. Хотя что тут можно стукануть? В зоне ничего нет, разве что сосед пёрнул без разрешения. Это было что-то с чем-то непонятное, размышлял Калугин, глядя на окружающую его обстановку. Удар по голове вернул его из мира мыслей в реальность.

– А ты что тупишь мразота? – спросил безопасник. – Почему ботинки не чищены? Бегом в штаб. Дневальный, проводи его. Бегом в штаб, я сказал, быстрее.

В дежурной части Калугина закрыли в клетку, в которой он стоял по стойке смирно и ждал, что с ним будет дальше. Прошло четыре часа. Пришёл дневальный штаба и проводил его к двери, на табличке которой было написано «Оперативный отдел. Шмаров А. А.». Калугина невольно затрясло.

– Ну что, созрел? – спросил Шмаров. – Понял куда ты приехал?

– Так точно, понял гражданин начальник. – громко ответил Калугин.

– Стучать будешь?

– Не понял, это как?

– Что тут непонятного? Стучать обо всём, что видишь и слышишь.

– Я не умею, я простой м-м, зэк. – неуверенно ответил Калугин, так как не смог сказать, что он мужик. – Кто мне что расскажет интересного?

– А мне не нужно рассказывать интересного. Ты докладывай про своих соседей по шконке, как живут, что говорят, о чём думают.

– Так откуда я узнаю, о чём они думают, я же мысли читать не умею.

– Значит ты по ходу не понял куда приехал.

Шмаров позвонил дежурному и попросил зайти к нему в кабинет.

– В подвал его, что-то он тупой очень. Пока сами начинайте с ним работать, а мы с кумовьями позже подойдём. – распорядился Шмаров.

– С ним до упора работать? – спросил дежурный Шмарова, показывая пальцем на Калугина.

– Там видно будет.

Оказавшись в подвале, Калугин понял, что сейчас его будут бить. Опытные сотрудники обмотали предплечье куском теляги и болевыми приёмами зажали его руку в тиски. Потом стали бить длинной узкой железной пластиной по ногтям. Двигаться Калугин не мог, так как вторая рука была пристёгнута браслетами к решётке. Били не больно, но время шло и становилось уже невыносимо терпеть. Каждый удар был такой, как будто его тыкают иголкой в мозг. Его никто не спрашивал про стукачество, его медленно пытали. Через пол часа Калугин не выдержал и заорал от боли.

– А-а-а-а, да что же вы делаете? За что? Я уже больше не могу.

– Маникюр. – спокойно ответил один из сотрудников и заткнул Калугину рот кляпом.

Дальше сотрудники продолжили наносить удары железной пластиной по ногтям Калугина. Все ждали, когда он сам созреет для стукачества. Через час в подвал пришёл Андрей Андреевич с операми.

– Кляп выньте. Ну что, как дела педрила? – спросил Шмаров. – Ты одумался?

– Да я же ничего плохого не сделал. За что вы так со мной?

– Если бы не сделал ничего плохого, к нам бы не приехал. Ну ладно, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Парни, то же самое на ногах ему сделайте и в изолятор его.

Калугина быстро перевернули вверх ногами, зажали одну ногу в тиски и начали делать ему педикюр. При этом они напоминали о том, что у пидорасов ногти и на ногах должны быть тоже красивые. А раз он пидор, значит всё по правилам. То же самое проделали и со второй ногой и рукой, так сказать, для симметрии и красоты. По окончании этого мероприятия все сотрудники были удивлены, что опять у них не получилось сделать голубые или розовые ногти. Каждый раз выходят только синие или фиолетовые.

Вечером Калугина водворили в ШИЗО на пятнадцать суток. Он, свернувшись калачиком и растопырив пальцы рук и ног во все стороны, лежал на полу в камере. Калуга не мог уснуть от боли и непонимания, происходящих с ним событий.

На следующий день Калугина привели в кабинет оперативного отдела в изоляторе. Там его уже ждал Шмаров и ещё два оперативника.

– Ты дурак или нет? – спросил Шмаров Калугина. – Или ты терпила? Терпила-педрила.

– Я не умею стучать. Я простой работяга, два срока на швейке отработал. Там план нужно было выполнять, а стучать никто не требовал.

– У нас тут другой план. Надо сначала его выполнить, чтобы выход в промзону заработать. Понятно?

– Понятно, но не умею я. Работать умею, а стучать нет.

– Ты не первый и не последний. Парни, давайте начнём.

Калугина пристегнули наручниками к стулу, который был прикручен к полу, так, чтобы он не мог с него встать. На руки намотали обрезки от телогрейки, чтобы не было следов от наручников. Руки завели за спинку стула и обвязали верёвкой вокруг ног и тела, надёжно всё зафиксировав. После этого Андрей надел ему на голову ватный мешок. Калугин ничего не видел. Он сидел и ждал что будет дальше, орать было бессмысленно.

– Ну что, как обычно с бокса начнём? – спросил один из оперов.

– С бокса, раауунд ноомеер оодиин. – сказал Шмаров, растягивая слова, как это делают по телевизору.

Опера одели боксёрские перчатки и начали бить Калугина по голове. Били не больно, так как ватный мешок и боксёрские перчатки амортизировали. Калугин не знал, что это был

только трёхминутный разогрев. Раундов будет двенадцать, как в настоящем боксе. Прошло три минуты. Первый раунд закончился, о чём громко объявил Шмаров. Андрей сказал Калугину, что у него есть ровно минута на раздумье, но тот ответил, что стучать не умеет.

Начался второй раунд своеобразного бокса. Оперативники били Калугина по голове уже с удвоенной силой, но он держался, напрягая шею, голову и все мышцы лица. Второй раунд подошёл к концу и с головы Калугина сняли мешок.

– Созрел для работы на оперативный отдел? – спросил Шмаров.

– Я же говорю, что не умею. – сквозь зубы ответил Калугин.

– Ну что же, будем учить дальше. А теперь парни по-взрослому отработайте его, третий раунд!

Шмаров надел мешок на голову Калугину, который зажмурился и напрягся в ожидании очередных ударов по голове. Андрей, кулаком без перчатки, что есть силы ударил Калугина в правый бок, чётко в печень. От удара Калугин потерял сознание на несколько секунд. Очнулся он от ударов по всему телу, его уже просто били, как боксёрскую грушу. Он потерял счёт времени и раундам, но не соглашался быть стукачом.

Через двенадцать раундов его отвязали, он встал на ноги и тут же упал на пол. Ноги не слушались, он потерял ориентацию в пространстве. Калугина за ноги приволокли в камеру изолятора. Он попробовал встать, но не смог. Лёжа на полу, его стошнило – это было сотрясение, понял Калугин.

Бокс продолжался до конца срока нахождения в изоляторе. Каждый день по двенадцать раундов. Следов на теле не было, но мозги наверно превратились в кашу. Две недели Калугин был как зомби, ничего не соображая. Он только и ждал, когда выйдет из изолятора. По окончании ШИЗО Калугина вернули в карантин, из которого он никак не мог выйти в зону.

Он и ещё несколько эков из его этапа никак не могли покинуть карантин, но большинство всё-таки выходило. Не уж-то они все стукачи, думал Калугин. Может они специально согласились стучать, чтобы выйти. Что ему терять? Может правда согласиться и выйти в зону. Ну не может же вся зона стучать? Что тут стучать, когда в зоне нет ничего. Нет, надо попытаться выйти простым мужиком, время покажет.

Прошла неделя. Шмаров вызвал в кабинет Калугина и задал один и тоже вопрос, на который Калугин опять ответил «нет». После этого его привели в этапку, в которой его опустили по приезду. Поставили на колени и пристегнули наручниками спиной к решётке, так, чтобы он не мог встать. Шмаров надел Калугину на голову противогаз с длинным шлангом и пережал его рукой. Калугин начал задыхаться. Ему дали вдохнуть воздуха и дальше продолжили процедуру дефицита кислорода. Через пятнадцать минут Калугин начал терять сознание, но Андрей Андреевич возвращал его обратно нашатырным спиртом, который капал в шланг.

– Я согласен. – задыхаясь прохрипел Калуга. – Я согласен. Что нужно делать?

– Совсем другое дело осужденный Калугин. Я на тебя и так много времени потратил, ты же не один у меня такой, для начала надо подписать и написать бумаги. – сказал Шмаров и достал из чёрной папки ручку и бумагу.

Калугин, под диктовку, написал расписку о сотрудничестве с оперативным отделом. Потом ещё одну расписку о том, что не имеет претензий к осужденным и администрации учреждения. После этого написал заявление о том, что в отношении него не оказывалось психическое и физическое давление. Все, собственноручно написанные, документы были без даты.

– Ну вот, теперь можешь идти в зону. Когда надо будет, я тебя вызову.

Через неделю Калугин вышел из карантина и был распределён в десятый отряд.

ИК-50. Первый опыт

Прошёл год с того момента, когда Горлов принял Бобышкина с наркотой. Самый трудный год в его жизни. Лёша долго не мог прийти в себя и с грязными делами завязал. Он боялся, что его опять примут и эта мания постоянно преследовала. Бобышкин старался держаться бодрячком, но всегда помнил о компромате, который сейчас наверно где-то лежит в сейфе на полочке. По-видимому, рядом с ним находятся такие же его коллеги-неудачники. Мысль о том, чтобы выкрасть компромат у Горлова, не покидала каждый день. Бобышкин понимал, что это не реально, наверно проще ограбить банк или казначейство. Он смирился с произошедшим и продолжал работать и жить. Хотя какая это жизнь на одну зарплату, так, одно существование.

После зарплаты в выходной день Бобышкин пошёл на рынок закупить продуктов на месяц вперёд. Он набрал два пакета и возвращался к машине, как вдруг увидел Горлова. Он сидел в своей Волге рядом с его машиной. У Бобышкина невольно затряслись руки. Он раньше уже видел Горлова из далека на построениях в управлении, но старался не смотреть в его сторону.

– Привет Алексей. – с улыбкой на лице сказал Горлов. – Как дела? Не забыл меня ещё?

– Здравия желаю, товарищ подполковник, не забыл. Я уже подумал, что Вы про меня забыли. – как можно бодрее в голосе ответил Бобышкин.

– Присаживайся, есть разговор.

Бобышкин положил пакеты с продуктами в свою машину и сел на переднее сиденье рядом с Горловым.

– Я вот за тобой наблюдаю со стороны и не вижу изменений. В движухе кумовской ты не участвуешь, запреты все от себя подальше отодвинул. Ты как собираешься дальше со мной работать?

– Страшновато Александр Михайлович стало запретами заниматься.

– Ты Лёша наверно меня тот раз неправильно понял. Я когда тебя отпустил – это я тебе не шанс на исправление дал. Я дал тебе возможность, чтобы мне убедиться, на сколько далеко ты смотришь вперёд. Мне без разницы, сколько ты там наркоты продашь и сколько эков разведёшь на деньги. Мне нужно, чтобы ты был в главной массовке этой зоны. Делай что хочешь, но будь своим среди всех.

– Ну что значит делай что хочешь? Я не пойму Вас. Ещё на один срок раскрутиться? – занервничал Бобышкин. – А если свои поймают, что тогда?

– В этом управлении могу поймать только я. Всё остальное – случайное недоразумение, ошибка того, кто без моего ведома хлопнет сотрудника. Ты меня понял? Я решаю кому работать, а кому сидеть!

– Вы хотя бы точно скажите, что и как делать? Я за этот год уже параноиком стал.

– Это хорошо, значит мозги у тебя на месте. Значит не зря мы с тобой встретились.

Далее пошли, расслабляющие нервы, разговоры. Горлов исполнял роль хорошего полицейского, спрашивал, как здоровье мамы и папы, почему не женишься и прочее. Обычная тема, когда лезут под кожу. В итоге Бобышкин успокоился, подумав о том, что может он действительно сам себя загоняет в угол? Стал бы Горлов просто так с ним возиться? Да и деваться Бобышкину было некуда.

– Так что дальше? – спросил Бобышкин.

– Твоё первое задание. Необходимо собрать всю информацию о заместителе твоего отдела капитане Калядине.

– А что с ним не так?

– Это уже не твоё дело. Мне нужно, чтобы ты устанавливал диктофон в его кабинете. Постоянно менял батарейки и кассеты, которые будешь мне отдавать. Ну и надо смотреть кто к нему ходит и с кем он общается. Калядина надо убрать.

– Понятно. Я так-то за ним особо ничего не замечал сверхъестественного.

– Потому что он грамотный, но не туда полез.

– Так я вроде тоже не туда полез.

– Ты не думай об этом, выполняй то, что я тебе говорю. Тот, кто не хочет под одну для всех музыку танцевать, всегда не туда лезет. Так понятнее?

– Так теперь понятно.

– Держи диктофон, кассеты и батарейки на первое время. – Горлов достал из бардачка всё перечисленное и отдал Бобышкину. – Дальше сам всё купишь, я тебя в твоих заработках не ограничиваю. Надеюсь, ты это уяснил.

– Всё понял. Куда записи привозить, как встречаться будем?

– Тебя на следующей неделе назначат секретку и канцелярию в управление сопровождать, там и увидимся. Суть дела ясна?

– Я всё понял Александр Михайлович, разрешите идти?

– Иди, жду с хорошими вестями.

Бобышкин приехал домой и проверил диктофон, что он работает. Чем им Ваня Калядин не угодил, размышлял Бобышкин. Вроде нормальный опер, не конфликтный, общительный. Говна мне не делал, да вроде и вообще никому и ничего плохого не сделал. Да какая мне разница, мне бы самому на ноги встать. И так чуть сам по сторону забора не заехал. Да наплевать на этого Ваню, он мне кто? Да никто! У каждого своя жизнь, каждый сам куёт свою судьбу. Сделал он вывод.

В понедельник Бобышкин тёрся возле капитана Калядина и старался решать всякие вопросы у него в кабинете. Дождавшись, когда Калядин выйдет в туалет, Бобышкин положил диктофон за батарею под деревянной панелью и включил запись. На следующий день он таким же образом вытащил диктофон. Дома поменял батарейки и кассету и ради любопытства прослушал запись.

Из записи стало понятно, что Калядин торгует направо и налево наркотой, которую сам приобретает. По-видимому, покупает её у барыг на воле. Сам делает ляпы, предварительно разбавив их таблетками и продаёт как в аптеке. Заносит водку в грелке осужденным Локшину и Храмову. Вымогает деньги у эков, обещая создать им проблемы, вплоть до того, что загонит их в петушатник. А с виду и не скажешь, подумал Бобышкин.

В пятницу его действительно отправили в управление сопровождать канцелярию, а точнее Лену Бонер с опечатанным дипломатом. Проходя по коридору мимо кабинетов оперативного управления, он услышал, как из кабинета его позвал Горлов. Бобышкин, оглянувшись по сторонам, зашёл в кабинет и молча отдал кассету.

– Всё нормально? – спросил Горлов.

– Да. – ответил Бобышкин.

– Сам слушал?

– Если честно, то да, слушал. Нужно было проверить получилась ли запись.

– Есть что интересное?

– Да.

– Вопросы есть?

– Никак нет.

– Тогда свободен, работаем по старой схеме.

Бобышкин вышел из кабинета, посмотрев по сторонам, убедился, что его никто не видел. Потом спустился по лестнице и вышел из управления. Он дождался Ленку Бонер из канцелярии, и они поехали на работу.

В течение двух месяцев Бобышкин делал записи на диктофон. Иногда получалось делать по две в неделю. Каждую пятницу Бобышкин, сопровождая канцелярию, отдавал кассеты Горлову. Из записей было понятно, что Калядин обычный барыга. Да, что греха таить, такой же, каким был Бобышкин до встречи с Горловым. Только Калядин, помимо наркоты и бухла, поднимал деньги на всём, что мог.

Он торговал изытыми на обысках запретами, редкими сигаретами и кофе, барбитурой и лекарствами. Продавал одежду, когда одних зэков по беспределу раздевал, а других за деньги одевал. Он даже продавал видеокассеты с порнухой. Всё что можно было продать Калядин продавал. Помимо всего прочего, из записей на диктофоне стали известны барыги на воле, у которых Калядин оптом приобретал наркотики. Ну и соответственно абсолютно все зэки, которым он их продавал.

За эти месяцы Бобышкин и Калядин даже сдружились. Постоянные посиделки в кабинете Калядина их невольно сближали друг с другом. Они вместе бухали и ездили на блядки. Калядин денег не жалел и по пьяни постоянно учил Бобышкина.

– Лёха, должность – это не только оклад и звание, а ещё и большие возможности. Тебе надо быть смелее в зоне, а то вот так всю жизнь на одну зарплату и проживёшь.

– Да молод я ещё для больших дел, мало у меня опыта. – отшучивался Бобышкин.

– С хорошим напарником можно такие дела воротить, что и забудешь, когда за зарплатой надо в кассу идти. – неустанно твердил Калядин.

Через месяц Калядин не вышел на работу. На оперативном совещании объявили, что он задержан за хранение и сбыт наркотиков. Долго рассказывали какой это позор для управления. Всех строго настрого предупредили о возможных последствиях, так как Калядину светит восемь лет строго режима. Не договорились, догадался Бобышкин и вспомнил слова Горлова «ну и меня не забывай». Надо зарабатывать и отстёгивать долю, сделал вывод он, продолжая слушать выступающего. Докладчик неустанно твердил про капитана Калядина и колонию, где отбывают наказание бывшие сотрудники органов внутренних дел.

Глава 4

ИК-3. Эффект Плацебо

Васильев осваивал азы оперативной работы. Он считал многие методы слишком классическими, хоть и действенными. Вася искал способ убить два зайца одновременно. Если они будут бежать от охотника друг за другом по прямой линии, то их можно убить одной пулей. В теории, а на практике? На практике зайцев не было, да и стрелять он не хотел. Васильев мог побить осужденного, чтобы получить оперативную информацию, но это был не его метод. Он понимал, что если осужденный даст достойную информацию, то не из-за того, что его бьют, а из других, личных побуждений. Васильев искал из осужденных особых людей, тех, кто давал информацию из патриотических соображений. Ну или тех, кто постепенно зарабатывал условно-досрочное освобождение, которое можно зарубить в любое время, если агент окажется лжецом.

В зону постоянно прибывали этапом молодые, неопытные и нищие наркоманы. Страна чистила ряды наркозависимых граждан. Полностью тяжело от них избавиться – растут как сорняки на грядке. Чем же бывалый наркоман отличается от молодого? Тем, что может ехать на «рассказе». Тем, что больше попробовал всякой разнообразной наркоты. Фантазия у бывшего наркомана такая безграничная, что ему может позавидовать любой писатель фантастики или детективов. В колонии было очень много молодых наркоманов. Они, как могли, тянули и прятали деньги, мелочь, но живое бабло в зоне плавало.

У Васильева уже была хорошая агентура. В его рядах были нормальные ребята, которые помогали из соображений совести, из личных взглядов, но порой и благой мести. По поиску агентов много помогал Петрович. Он имел большой опыт и советовал кого лучше вербовать, чтобы Ваську самого не завербовали.

Агентура была разная. Некоторые воевали в Чечне, так и оставшись в душе служивым. Кто-то наркоманов терпеть не мог из-за сложившихся семейных проблем. Многих кинул бластной мир по беспределу, когда встал на коммерческие рельсы.

В зоне плавали деньги и их надо было изымать. Бегать и искать на шмонах – это не уровень опера. Васильев к этому времени уже понял кто такой кум и почему кум! Кум – это для зэка второй отец. Как кумовья считаются названными родителями, так происходит и в зоне. К кому ещё идти со своими проблемами, как ни к отцу родному – оперу.

Васильев вызвал своего проверенного агента осужденного Малышева на беседу. Малышев сидел за грабёж и разбой. На воле он хлопал барыг наркотой, за что и посадили. Васильев и Малышев думали, как изымать деньги из зоны так, чтобы зэки сами их добровольно отдавали.

– Молодой наркоман уже от ожидания наркоты пьян. – объяснял Малышев. – Он если затынется травой или по вене чуть вмажет, так вообще уже ничего не видит, ему всё по кайфу. А так как им достаётся всякая дрянь, то они и дерьму рады. Вот, к примеру, ханка с песком, замешанная в тазике лопатой, димедрол с анальгином в порошке, кофе, мука, всё идёт во благо, лишь бы вес был.

– Они что совсем такие тупые, что не видят, что употребляют? – спросил Васильев.

– Самое главное Василич красиво рассказать, что товар из первых партий и не разбодяженный. Специально, как говорится, для тебя берёг мой лучший кент.

Васильев с осужденным Малышевым придумали план по изъятию денег. Суть в том, чтобы заменить марихуану обычной придорожной полевой травой и продавать лохам. Васи-

льев изложил план Петровичу, который сказал, что можно попробовать, в законе не запрещено продавать крапиву или лопухи.

После согласования Васильев рвал на обочине дороги обычную траву, щавель, одуванчики и всё, что попадалось. Бесконвойники её сушили на плитке, протирали и заворачивали в полиэтиленовые пакетики или фольгу. Потом проводилась «контролируемая поставка» сушёной травы в зону с помощью тех же бесконвойников. Осуждённый Малышев приходил вечером к отряду бесконвойного передвижения в промышленную зону и «тайным образом» забирал траву. Ну а далее он продавал её молодым нарикам вместо марихуаны.

Всё реализовывали только за наличные деньги. Ведь на следующий день бесконвойники должны были отдавать «расчёт барыгам» за забором. Бизнес пошёл в гору. Зэки курили щавель, подорожник и лопух, расплачиваясь наличными деньгами, которые выходили из зоны. Осуждённый Малышев оказался прав на счёт малолетних дебилов-наркоманов и зарабатывал УДО. Полевые цветы и травы зашли по полной программе. Многие просили удвоить поставку.

Васильев оформлял деньги, как бесхозные, обнаруженные строго на прилегающей территории колонии. После этого они ложились на счёт государства. За зоной их оформляли, чтобы меньше было проблем. Не выгодно оформлять деньги в зоне, сразу вопрос – откуда и как? Хотя это все прекрасно понимали, но лучше делать всё красиво. В общем оперативная смекалка давала результаты – два зайца одним выстрелом.

Хуже дело обстояло с героином. Тут пришлось изучать химию и вербовать закоренелых наркоманов, которые не сильно хотели рассказывать секрет о том, как развести малолетнего лоха. Помощь оказал Шендорович. Он был благодарен за то, что отпустили его маму после той передачи с яйцами. Шендорович всегда помнил, что к нему по-человечески отнеслись и поделился секретом.

– Василич, ты пойми, что эти юные нарики, кроме химии ничего не видели. – начал рассказывать Шендорович. – На воле им жить три-четыре года и откинут копыта. Я начинал с мака и конопли. До сих пор держу за правило, что лучше ничего нет, что даёт мать-земля. Что из земли растёт, то своих детей не убивает! У таких, как я, древних наркоманов, нюх на химию. Этим малолетним дебилам лишь бы глаза закатить, дурь есть – кайфа нет. Как вино и водка, понял разницу?

– Понял, понял. Матрац, а как белый заменить, чтобы не догадались?

– Василич, ты хоть и опер, но глупый ещё, извини, конечно. У кого постоянно деньги на белый есть, тот в зону редко садится. Деньги решают всё. Ты посмотри на этих отморожков, они настоящий белый вообще не видели. Им скажут, что это три девятки, они и растаяли. А то, что он из-за бараньей печени стал героином с тремя девятками, этого они не знают. Само название три девятки или четыре семёрки уже звучит красиво! Мак – это старо и не модно.

– Ну это же всё из коки делают? Тоже земля даёт.

– Ты у нас в зоне видел хоть раз зэка, осуждённого за кокаин?

– Нет.

– А ты подумай на досуге, почему у нас таких нет. Мать сыра земля одно и тоже для этого даёт – это ты верно подметил. Только наркотики разные и по цене, и по эффекту.

– Матрац, я буду думать сам, не подсказывай. – сказал Васильев, так как любил такие задачки.

– Суть такова, хлористый есть? Только не в ампулах, а в порошке?

– Чего? – удивился Васильев.

– Хлорированный кальций, кровь им чистят. Только чистят раствором, а нам нужен порошок из кристаллов. Кристаллы хлористого с витаминами разотрём для вида и пусть себе употребляют. Наркоманы чёртовы, чтоб они все передохли.

Васильев не сразу понял в чем суть. Он наверно ещё недостаточно знал наркоманов и химическое действие наркотиков.

– Матрац, а почему они не поймут, что это не настоящий героин?

– А как они поймут, что это героин? Они его на воле видели в лучшем случае раз в месяц. Василич, тут всё дело в мозгах и венах. На вкус горько будет, значит кайф поймал. Да ладно уже, так и быть, расскажу. Мы малолеток так на воле на бабки разводили. Их хватало правда на пару месяцев, и они потом начинали понимать, что героин какой-то не настоящий. На свободе на пробу проще взять, а тут дефицит. Так почему бы за их деньги кровь им самим и не почистить? Думай, решай.

– Интересно всё это, но мне надо время подумать. – сказал Васильев, так как хотел всё-таки посоветоваться со старшими кумовьями.

Васильев проконсультировался с Петровичем. Тот был сильно удивлён, что как он сам до сих пор этого не знает. Тема-то выходит нормальная, когда ещё в зоне за деньги кровь чистили. Получив добро от Зубова и Петрова, Васильев приступил к первому пункту нового плана по изъятию денег в зоне. Вторым пунктом которого было очищение наркоманской крови. Наркоманам, под видом героина, продавали хлористый с глюкозой и дело пошло. Шендорович рассказывал сказки малолеткам про новый героин «7х7», который только ему одному в этом городе везут из-за бугра. Они, развесив уши, чистили себе кровь и очень хорошо за это платили. Вот, что значит, когда совмещаются старый зёковский опыт и молодая кумовская сообразительность.

За год Васильев из зоны вытащил много денег. По их изъятию колония заняла первое место в управлении. Зубов был доволен такой схемой, но с этим делом прекратили. Пошёл нездоровый слух, что оперативники продают наркотики. От греха подальше с этой темой завязали. Тем более Зубову начали задавать вопросы сверху. Откуда столько денег валяется за зоной? У вас там что, инкассаторы сумки потеряли? Петрович тоже посоветовал пока прекратить. Лучше устроить временное голодание, чтобы дефицит опять сделать дефицитом.

В принципе тема получилась рабочая и безвредная. И эта схема с двумя зайцами, убитыми одной пулей, однозначно работает. Васильев даже вспомнил, что когда-то хотел поступать в медицинский институт. Применённый им в колонии эффект Плацебо однозначно работал.

ИК-12. Подводная лодка

Прошло три месяца с момента выхода Калугина из карантина в зону. За это время он ещё два раза был в изоляторе. Калуга долго привыкал к местному распорядку дня. Били его уже не так сильно, исключительно из-за того, что есть с чем сравнивать. На работу в промышленную зону его не выводили. Он целыми днями добровольно-принудительно выполнял хозяйственные работы в отряде и учил правила внутреннего распорядка.

Шмаров вызвал Калугина на беседу. Калугин забежал в кабинет и громко произвёл доклад.

– А ты почему не заходишь? – спросил Шмаров.

– Вы сами сказали, что вызовите, когда надо. – удивился Калугин.

– Мало ли что я тебе сказал. Ты подписал бумаги о сотрудничестве с оперативным отделом. У тебя что ли нет для меня важной информации?

– Пока нет.

– Что значит пока нет? А когда будет?

– Ну нет ничего интересного в отряде.

– Про соседей тогда своих рассказывай. Чем они занимаются, что планируют, с кем общаются?

– Да всё как обычно. В хозяйственных работах постоянно принимают участие и учат распорядок дня. Свободного времени у них нет, всегда чем-то заняты.

– Ты что мне дурку лепишь баран? – закричал Шмаров и ударил Калугина по уху. – Где информация сука?

– Гражданин начальник нету пока, клянусь нету.

– Ты что думал вот так у тебя прокатит? Подписал бумажки и сидеть спокойно будешь? Где информация? – Шмаров заломил руку Калугина ему за спину и резко локтем надавил на позвоночник. – Где информация пидор?

– А-а-а, больно гражданин начальник. – закричал Калугин. – Нет пока информации, пока нет.

Шмаров отпустил Калугина и взял резиновую палку, которой начал лупить Калугина со всей силой. Калугин заорал от боли, прикрываясь руками, но Шмаров бил его не останавливаясь.

– Ты что гнойный пидор думал, что я забыл про тебя? Ты три месяца как сыр в масле катаешься. Ты думаешь просто так? Хорошую жизнь ещё заслужить надо. Где сука информация, где?

Шмаров нещадно бил Калугина резиновой палкой, а когда устал, начал пинать ногами. Калугин лежал на полу в углу кабинета, свернувшись калачиком, подставляя спину под удары и закрывал руками голову. Шмаров выдохся и позвал других оперов продолжить экзекуцию над Калугиным.

Оперативники быстро перевернули Калугина на живот. Завели руки за спину и надели наручники на запястья, предварительно обмотав их рукавами куртки Калугина. После этого силой согнули ноги в коленях и надели вторые наручники, обмотав штанами, которые тоже с него спустили. Между наручниками, сковавшими руки и ноги, протянули петлю из верёвки и начали стягивать. Калугин орал от боли, но прибавленное на всю громкость радио, заглушило его вопли.

Шмаров, немного отдышавшись, присоединился к операм. Он начал поднимать верёвку вверх, которая стягивала между собой руки и ноги Калугина. Андрей делал мостик наоборот. Коллеги в это время пинали Калугина по рёбрам, бёдрам и шее. Калугин хрипел, мотал головой и между ударами пытался кричать, но его не слушали. Через полчаса воспитательной работы Шмаров сказал всем прекратить данное мероприятие. Он туго связал между собой наручники на руках и ногах верёвкой. Опера пошли кушать – война войной, а обед по распорядку.

Все ушли на обед, а Калугин остался лежать связанный в кабинете. Оперов не было примерно полчаса. За это время Калугин ни разу не пытался высвободиться. Он не мог, так как не было сил, тем более в такой позе сделать ничего невозможно. Он пользовался моментом чтобы отдохнуть. Калуга лежал и думал о том, как свалить отсюда, но куда ты сбежишь? Никуда.

– Ну как дела осужденный Калугин? – спросил вошедший в кабинет после обеда Шмаров.

– Гражданин начальник я всё понял. Больше не повторится. Дайте мне время, я буду собирать информацию. – прохрипел лёжа на полу Калугин.

– Другое дело. Только зачем ты до этого довёл, чтобы пришлось тебя пиздить как собаку?

– Я первый раз в такой колонии. Наверно к местному порядку ещё не привык.

– Так привыкай быстрее, а то здоровья у тебя не хватит. Да и у меня нет столько времени каждого из вас учить порядку. Учитесь сами на примере других.

– Гражданин начальник дайте время и всё будет нормально.

– Вот сначала напишешь мне про своих соседей, а потом всё будет нормально. Понял?

– Понял, понял. Сейчас напишу.

Шмаров развязал верёвку и расстегнул наручники на руках и ногах Калугина. Калугин, держась за стену, кое как встал. Шмаров складывал в шкаф верёвку, наручники и что-то бубнил под нос. Надо уехать в больницу, подумал Калуга, но сначала нужно покалечиться. А как? Как

одним разом сделать так, чтобы увезли по скорой? И он, недолго думая, рванул щучкой в окно. Стекла разлетелись вдребезги, и Калугин исчез в окне.

– Долбоёб. – спокойно сказал Шмаров и подошёл к разбитому окну. – Там же сетка.

Шмаров выглянул в окно и увидел на сетке рабице между первым и вторым этажом лежащего Калугина. Он был уже весь в крови. План Калугина не удался, он не знал, что под окнами Шмарова находится прогулочный дворик. Сверху него была сетка рабица из мелкой ячеи. Она нужна, чтобы не было возможности что-либо закинуть в этот дворик, ну или выкинуть из него.

– Ну что гнида, как тебе там? – ухмыляясь спросил Шмаров. – Далеко собрался из подводной лодки бежать?

Калугин лежал на сетке рабице и стонал от боли. У него болело всё тело от экзекуций в кабинете, а тут он ещё порезал руки и лицо разбившимися стёклами. Он смотрел вниз сквозь сетку на трёх изумлённых зэков. Они ждали в дворике свои плановые воспитательные беседы и в шоке молча смотрели на упавшего сверху Калугина. Каждый из них представлял себе, что сегодня начали воспитывать по-новому. Шмаров громко поливал Калугина матом и смеялся над ним, что ему не удалось уйти от правосудия. Калугина «сняли» с сетки, тыкая длинными деревянными палками сквозь неё. Пинками, под крики Шмарова, его водворили в ШИЗО опять на пятнадцать суток.

Дежурный врач, осмотрев Калугина, причин для лечения в медсанчасти не обнаружил. Он порекомендовал Шмарову вставить в кабинете пластиковые окна или металлические решётки. Как никак двадцать первый век на дворе.

– Андрей Андреевич, послушай меня внимательно. – начал поучительную лекцию Коляпин Александр Александрович. – Ты вроде взрослый человек, а зэков пиздишь по старинке. Да так плохо, что у них ещё остаются силы из окон прыгать. Что за хуйня происходит?

– Александр Александрович, ну получилось так. Сам не знаю почему. Зэк тупой оказался, стучать согласился, а информации ноль. Вот и пришлось воспитывать.

– Да мне это не интересно, стучать или не стучать. Я тебе про другое хочу сказать. Вы как-то уже думайте головой. Пиздите так, чтобы следов не было, и зэки из окон не прыгали.

– Будем думать.

– Вот он сейчас весь изрезался о стекло, плюс синяки на нём есть, врач мне сказал. А надо так пиздить, чтобы на теле вообще ничего не было. Чтобы идти сил у них не было, понятно?

– Понятно, ну просто дело случая.

– Андрей, мне на прокуроров и всяких там правозащитников похуй. Ты это прекрасно знаешь. Но если такой пидор сверху на кого-нибудь из них свалиться, то Подробинов им уже сказку не расскажет. Вы работу с ними проводите в подвале, там прекрасное помещение. Стол, стул, решётка, крюки всякие, а в штабе мелочёвкой занимайтесь.

– Да понял я всё Александр Александрович, понял. С этим уродом что делать будем?

– В ШИЗО пару месяцев пусть посидит и в отряд его обратно. Пока он сидит, ты вот на нём и потренируйся, как без синяков и ссадин воспитывать зэков.

– Может в ПКТ, а потом в СУС?

– Нехуй мне всякой чесоткой ПКТ и СУС засорять. После ШИЗО переведёшь его в тринадцатый отряд. Если захочет, пускай там с третьего этажа прыгает. Это уже будет не наше дело.

– Отказной материал делаем по членовредительству?

– Окна иди у себя в кабинете делай, нехуй бумагу марать. Через неделю заживёт как на собаке. Всё, свободен.

ИК-50. Белый аист

После событий с капитаном Калядиным, которому дали шесть лет строгого режима за хранение и распространение наркотических веществ, в зоне наступило затишье. Давно такого не было и ажиотаж по управлению был очень большой. В оперативном отделе произошли кадровые перестановки. На вакантную должность заместителя начальника оперативного отдела назначили старшего опера капитана Павлова Женю. На должность старшего опера, к удивлению, многих, Алексея Бобышкина. После этого к нему перешли некоторые объекты Калядина, включая комнату длительных свиданий.

Несмотря на то, что в отделе были более опытные опера, у Бобышкина было высшее образование. Именно поэтому управление приняло решение повысить его в должности. Для некоторых это послужило стимулом повысить свой уровень образования. Один Бобышкин знал, что у этого имеются другие причины. Об этом ему сообщил Горлов, вручая погоны старшего лейтенанта, незадолго до назначения на должность старшего опера. Горлов сказал, что он далеко пойдёт с такими успехами по службе. Правда Лёша не думал, что так быстро.

Первое время сотрудники долго размораживались и не торопились таскать запреты в зону. Бобышкин пользовался этим моментом и активно усиливал свои позиции. Налаживал контакты с серьёзными зэками. Должность старшего опера давала больше власти и свободы действий, плюс то, что Горлов уже давно выписал на всё зелёный свет. Бобышкину нужны были деньги, хорошие деньги. Он понимал, что теперь его выход и необходимо уважить Горлова. А к нему с тысячей рублей не пойдёшь, не тот уровень.

Бобышкин направил все усилия на поиск людей, готовых заниматься крупными партиями наркотиков. Бегать с мелочью он не сильно хотел, хотя и не отказывался по случаю подзаработать. Но основная его цель была поставка крупных партий наркоты. Проанализировав всех ключевых зэков в зоне, он сделал вывод, что у каждого из них уже есть свой опер. Тогда он решил идти в лобовую атаку, но только хитро. Бобышкин вызвал смотрящего за наркотой в зоне осужденного Рылькова Александра по кличке Крокодил.

– Здорово Крокодил. – поприветствовал Бобышкин Рылькова.

– Здорово начальник. Чего позвал? – с недовольством ответил Крокодил.

– Не хорошо Крокодил оперов сливать, не хорошо.

– Начальник, ты базар фильтруй, я же тебе не быдло какое-то колхозное. Это кого я слил?

Обоснуй, будь так добр.

– Калядина. Помнишь такого?

– Калядина я помню. Только начальник не по адресу предъява.

– А я у него в СИЗО был на свиданке. Он тебе пламенный привет передал. Так и сказал, что ты его цветным мусорам сдал.

– Э-э начальник. Ты фуфло это лохам задвигай, я фраер порядочный. Люди за меня знают.

– Крокодил, да когда наркоманы фраерами порядочными были? Что-то не припомню я такого. Ты берега в этой жизни не путай.

– Ну если так рассуждать, мента уебать вообще святое дело для арестанта. Да?

– Тоже, верно. Но сдать мусорам «дорогу» в зону – это стрёмная хуйня для любого зэка. За это можно и в гарем заехать. Тем более что в зоне после этого случая вообще голод наступил. Наркоты в разы меньше стало, бухла вообще нет.

– Начальник, ты меня сюда не приплетай. Кто его сдал я не знаю, а узнал бы, сам тому голову открутил. Меня на эту хуйню ты не намажешь.

– Я нет, а Калядин да.

– Каким образом?

– Так он теперь такой же, как и ты стал. Тоже арестант.

– И?

– Он для зоны столько благих дел сделал, грел вас всю дорогу. Так что имеет полное право и прогон пустить за тебя Крокодил.

– Начальник, что-то я не помню, что прогоны бээсников в чёрной зоне канают. Напомни мне, может я чего-то подзабыл.

– Напомню и даже зачитаю. – Бобышкин достал из кармана листок бумаги и начал читать. – Я, Иван Калядин, бывший кум Полтинника, обращаюсь к тем, кто меня знает, к тем, кому я помогал жить в зоне, кого я грел запретами многие годы. Сейчас я зэк, работая опером, я, как и вы, уже был преступником. Никакой разницы между нами нет. Неважно, что я был в погонах, важно то, что я делал для вас братва.

– Ты начальник этой бумагой жопу себе подотри. – нервно, сквозь зубы, сказал Рыльков.

– А ты не торопись Крокодил. Дальше слушай. – Бобышкин продолжил читать липовый прогон. – Но один из вас совершил по понятиям сучий и блядский поступок. Он сдал «дорогу» цветным мусорам, которая грела зону несколько лет. Только он один знал адрес, где я тарюсь для вас братва. Стукач – это Крокодил, он же Рыльков Саня. Я надеюсь, что он ещё в Полтиннике сидит и его не увезли спецэтапом. Я знаю, что с него спросить – это будет по понятиям...

– Да это фуфло. Все знали куда он к барыгам ездит. Ты что думаешь он только мне отраву таскал? Он тут половину зоны наркотой да бухлом снабжал. Не канает твоя хуйня начальник.

– А ты что так разозлился? Не надо нервничать. Если ты не при делах, тебе и волноваться не стоит. Только вот на это посмотри. – Бобышкин достал из кармана ещё один листок. – Разнарядка на спецэтап осужденного Рылькова Александра Игоревича. Мне дальше продолжить? Ты один в транзит едешь, почему? Калядина с пробега убрал и уехал. Ах да, тут ещё приписка есть, вот смотри. – Бобышкин показал разнарядку Рылькову.

– Из оперативных соображений? – прочитал Рыльков и открыл рот от удивления. – Чего? Из каких оперативных? Я не понял. Это что такое? Это подстава! Я, я, сука, да это не я, век воли не видать. Пидором мне быть, если это я его подставил. Это сука беспредел. – заорал Рыльков.

Он понимал, что его подставляют. Прогон от Калядина – это фуфло, но вот спецэтап из оперативных соображений он никому не сможет объяснить.

– Крокодил осади, хорош воздух сотрясать. Завтра поедешь в СИЗО, а там, как Бог даст, смотря куда тебя повезут. Хотя за такие грехи, где угодно найдут.

– Это не я. Слово мужика даю!

– Слушай, я свечку не держал, ты или не ты, но факты говорят, что ты Калядина слил. Мы с ним кореша по жизни были. Он вообще о тебе, как о порядочном человеке отзывался. Наверно людям свойственно ошибаться.

– Слушай Адамович, матерью клянусь, что это не я. Дай время разобраться и я найду эту суку, что Калядина сдала. Слово даю. Я хоть и нарик, но за мной грехов по жизни нет. Я ровно иду и поляну всегда стригу. Реши вопрос с этапом, и я в долгу не останусь. Мы с Калядиным столько дел для братвы и зоны сделали, какой мне резон его сдавать? Сука в лагере завелась по любому. Ты же нормальный кум, сам подумай, Калядин кому-то не угодил или не поделился, вот его и подвинули. На хуй мне основную «дорогу» в зону ломать?

– Крокодил, ты всё верно базаришь, но почему Калядин на тебя думает? Он тоже не дурак.

– Да ему стопудово так преподнесли, чтобы настоящего сексота в сторону увести. Я Калядина ещё по воле знаю, мы в одном дворе выросли. Он в менты пошёл, ну, у него родители строгие, а я в лагерь поехал. Ты думаешь почему мы с ним дела серьёзные имели? Вот именно поэтому. Его вообще за мелочь прихватили. Если бы я хотел его сдать, тут бы простыми мусорами не обошлось.

– В смысле?

– Ляпы, косяки и бухло – это так, цветочки, для поддержания штанов между большими делами.

– Какими?

– Вопрос реши с этапом. Дай мне шанс и через год хату купишь, если с тобой работать будем.

Бобышкин задумался. Действительно, у Калядина всегда много денег было, очень много. Он их не жалел, разбрасывался направо и налево. Он по ходу точно с Горловым поделиться не захотел, вот его и убрали с пробега.

– Крокодил, с этапа снять, да с такой формулировкой...

– Сколько? – сразу в лоб спросил Рыльков. – Честь дороже денег. Сколько?

– Двадцать пять. – от фонаря брякнул Бобышкин.

– Дай листок маляву написать и без очереди на телефонные переговоры меня заведи. Я на рыбьем объясню, что от меня с мулькой приедут сегодня. Вечером тебе бабки отдадут, ты только за этап реши. Я тебе слово даю – со мной можно дела иметь, и я тебе это докажу. А ту суку я лично закопаю, когда найду.

Бобышкин незамедлительно дал листок и ручку Рылькову, который написал маляву. Бобышкин прочитал и увидел непонятный набор слов и цифр. Это больше было похоже на рецепт врача, чем на воровскую маляву.

– Это что такое? – удивился Бобышкин.

– Адамович, мы так с Калядиным работали. Я тебе говорю, что это подстава. Его просто так не могли взять, если только он где-то в стороне рыло не запилит. К этой маляве ещё и пароль есть, который знаю я, тот человек, который тебе денег даст и ты.

– И какой пароль?

– Вечером приедешь на улицу Сахарова и зайдёшь в кафе «Медуза». Официант даст тебе меню, а ты попросишь у него стакан воды. Скажешь «таблетки запить, врач прописал, вот даже рецепт есть». Потом закажешь себе чего-нибудь и в меню положишь маляву. Тебе со счётом деньги и принесут.

– А что так мудрёно всё?

– Мы с Калядиным, а он тут пять лет отработал, не одну сотню килограммов наркоты вместе в зону загнали. Деньги очень большие, поэтому и приходится со всех сторон страховать. Ты не смотри на меня, что я здесь в зэчке перед тобой сижу. Кому-то нужно было сесть, чтобы бизнес дальше жил. Я сегодня здесь, а завтра на юг поеду лярв топтать. Мне много кто должен за мою отсидку.

Поздним вечером Бобышкин сидел у себя дома на кухне, разложив на столе двадцать пять тысяч. Он не верил своим глазам. Вот что значит красиво рассказать и за один час поиметь такие деньги. Но эмоции в сторону. Лёша теперь должен «не забыть Горлова». Как не крути, а на месте Калядина он не хотел быть, а значит надо делиться.

В очередную пятницу Бобышкин сопровождал канцелярию. Он зашёл к Горлову и сказал, что хотел бы проставиться за звание и за старшего опера, но идти с пакетом в управление как-то неудобно. Горлов назвал адрес дачи за городом и сказал завтра в обед туда приехать. Он тоже там будет отмечать присвоенное ему звание полковник и должность начальника оперативного управления.

На следующий день Бобышкин стоял возле дачи Горлова с пакетом. В нём была бутылка коньяка «Белый аист» и почтовый конверт с пятнадцатью тысячами.

– Привет Лёша, а что у тебя в пакете? – не выходя из ограды спросил Горлов.

– Коньяк и, ну это, как сказать, конверт... – Бобышкин не знал, как произнести, что в конверте деньги.

– Лёша, а ты что не знаешь, что письма обычно помещают в почтовый ящик? – подмигивая, сказал Горлов и указал на почтовый ящик, прибитый к забору.

– А-а, конечно, знаю. – дошло до Бобышкина и он, оглядываясь по сторонам, положил конверт в почтовый ящик. – А коньяк?

– Что там? «Белый аист»? Так, так, нормально, у меня ещё таких нет. Коньяк выпей сам за наше с тобой взаимопонимание, а на конвертах пиши «Белый аист». Так я буду знать, что это ты. Адрес знаешь, об изменениях я сообщу дополнительно. При необходимости, пока не знаю когда, будь готов владеть оперативной обстановкой в колонии. Надеюсь, ты помнишь наш разговор?

– Помню.

– Вопросы или проблемы есть?

– Александр Михайлович, а есть возможность, для общего блага, этапировать зэка куда-нибудь подальше? Мне надо в должности утвердиться, ну-у, как это сказать. В общем, чтобы боялись и на контакт лучше шли. Для нашего общего блага.

– Есть, но всё обсуждается индивидуально. Я сегодня ещё почтовый ящик не проверял, поэтому пока не готов ответить.

– Понял. Тогда вопросов больше нет.

– Тогда до свидания. – сказал Горлов и закрыл калитку.

Глава 5

ИК-3. Баба Ваня

В результате проведения обыскных мероприятий в одной из маклерок отдел безопасности, во главе с капитаном Николаевым Николаем Николаевичем, обнаружили и изъяли деревянный фаллос. Работа исполнения была на высоте – розовый цвет, вены, головка. Жаль без яиц, ну они наверно и ни к чему собственнику фаллоса. На обыске осужденных не было, и Васильев решил не вызывать маклеров для объяснений. Лишние разговоры в зоне к хорошему не приведут.

В маклерке работают следующие осужденные: Ефремов, 28 лет, алкоголик, мужик, специальность – художник. Самойлов, 32 года, разбойник, мужик, специальность – резьба по дереву. Курёнов, 58 лет, нанесение побоев, мужик, специальность – заготовщик для деревянных изделий. Кашин, 45 лет, наркоман, специальность – заготовщик холстов для картин. Васильев проверил взаимоотношения подозреваемых с родственниками. Все были женаты и ходили с жёнами на свидания. Вынести данное изделие для дополнительных любовных утех было бессмысленно, так как режимники всё равно бы его нашли. Потом уже не объяснишь, что это нелепый случай, а молву в зоне не остановить.

Васильев долго думал, что делать и пошёл к наставнику. На памяти Петровича это был тоже первый деревянный член, изъятый в зоне. Да и вообще в принципе первый в жизни. Да-а, зэки опять подкинули задачу, которую нужно решать и за которую нужно посадить в ШИЗО. Но кого? Помимо предмета искусства, пока было ничего не понятно. Ясно было одно, что имеется очередной кандидат в гарем и пока его не найдут, он будет тихо шкварить зэков. Оградить маклеров от общей массы осужденных Васильев не мог – нет оснований.

Петрович посоветовал Васильеву не торопиться. Для начала надо совместно со смотрящим за зоной Веней Бенедиктовым и смотрящим за петухами Геней Кочетковым начать скрытое наблюдение за маклерами. О данной находке сообщили Зубову. Он от удивления, что у нас вместо нард и шкатулок начали изготавливать деревянные члены, приказал искать собственника фаллоса любыми способами. Найти обязательно, подпишет что угодно.

Месяц поисков прошёл впустую. Ничего не изменилось в поведении маклеров. Фаллос явно был кого-то одного из них, а может и не одного. Человек, который изготовил данное изделие должен себя проявить. В этом Васильев был уверен.

Через две недели прибежал смотрящий за петухами Гена Кочетков.

– Василий Васильевич есть информация по фаллосу. Хрен догадается. – затараторил Гена.

– Ну рассказывай, что узнал. – спросил Васильев у лидера осужденных низкого социального статуса.

– Старый дед Курёнов Иван. Он подкатывал вчера к нашему петуху Красовскому, разговор вёл обо всём и ни о чём. Чаем и сигаретами даже его угостил.

– Курёнов? Да ему под шестьдесят уже. Быть не может. – не поверил Васильев.

– Василий Васильевич, факт есть факт. С чего бы ему самому начинать общение с петухом? Вот взял и просто так подошёл к Красовскому, при этом зная, что он вафлёр? Разговор завёл за отношения интимные.

– Ты думаешь, что он отпороть его хочет? Гена, у нас фаллос! – уточнил Васильев. – Это значит, что он сам пороться должен. Понимаешь?

– Василий Васильевич, а может он хочет, чтобы его самого отпорили? – не унимался Гена.

– Не пойму. Взрослый мужик, дед уже почти и пороться хочет? Что-то не складывается. Ты уверен, что твой Красовский ничего не перепутал?

– Василий Васильевич тут надо только на живца брать. Только на живца, иначе не поймать.

– Ты сначала дальше поработай по их отношениям, хорошо? А то нам с тобой на пару из-за твоего живца, как бы не пришлось по шапке получить от руководства. Понял?

– Понял. Только Вы мне и Красовскому зелёный свет по зоне выпишите, чтобы нас не трогали.

– Ради такого дела ходите, где хотите. Я Николаева предупрежу, он тоже в ожидании. Как никак, а первый раз в жизни деревянный член в зоне изъял.

Гена ушёл активно заниматься оперативной работой, так как это было в его интересах. Через три дня он опять пришёл к Васильеву.

– Василий Васильевич планы меняются. – с серьёзным видом сказал Гена.

– Так, как именно они меняются?

– Я теперь с ним дружу. Мы уже пару раз за жили-были поговорили, он наш человек. Однозначно! Сердцем чую.

– В смысле ты уже с ним дружишь? – удивился Васильев.

– Ну вот так получилось. Я Красовскому сказал, чтобы он ему на меня намекнул. Если нужно разнообразие – лучше ко мне. У меня и зелёный свет по зоне есть, засветиться невозможно. Он и согласился. Мы с ним вместе покурили, и он мне намекнул, что уединения хочет. Короче, попросил, чтобы я его отжарил.

– Ну ты даёшь! – выпучил глаза Васильев. – Когда ловить будем? Время идёт, надо быстрее его определять в твою команду. Только надо чтобы вас кто-то из мужиков с поличным поймал. В гарем захватить он должен обоснованно.

– Мы договорились с ним завтра в котельной встретиться в нашей комнатухе после обеда. Он как раз туда пойдёт сухие доски для маклей забирать.

– Слушай внимательно. В стене глазок сделай, мы туда мужика посадим. Надо ещё маячок какой-то придумать, чтобы он знак подал, когда вас ловить надо. Нитку на крышу выведи, а к ней флажок. К тебе от блатных человек подойдёт, скажет, что от меня. Ты ему всё по полочкам объясни, там сами разберётесь кого куда прятать. Понял?

– Понял. – ответил Гена и радостный побежал домой в ожидании пополнения своей банды.

Васильев вызвал Веню Бенедиктова и пояснил ему суть дальнейших планов. Все готовились к приёмке с поличным, особенно Гена Кочетков.

На следующий день в обед всё было готово. Специально обученный человек сидел за стенкой и смотрел в глазок. Он держал в руках верёвку, выведенную на крышу к флажку. Два порядочных мужика стояли на стрёме и ждали сигнала. Гена Кочетков ждал друга у себя в комнате в котельной. Васильев наблюдал театр действий из окон дежурной части.

Действительно, после обеда из промышленной зоны в котельную пришёл осужденный Курёнов Иван. Васильев засекал время входа в котельную. Прошло десять минут, тишина. Двадцать минут, тишина. Тридцать минут, да что же они так долго, думал Васильев, любовники хреновы. Пол часа прошло, где флажок? Что даже за пол часа не обнялись ни разу что ли? Через сорок минут флажок взмыл вверх. Мужики побежали в котельную ловить голубей. Через две минуты все вышли из котельной, включая того, кто сидел за стенкой и наблюдал. Быстро они после флажка вышли, подумал Васильев, после чего сказал дежурному, чтобы он этих осужденных, которые вышли из котельной, завёл к нему в кабинет.

Первым в кабинет без очереди забежал Гена Кочетков.

– Василеч, что так долго? Мне пришлось его второй раз шпилить. Он же старый, я уже через «не хочу» и «не могу», а никого нет и нет.

– Я не знаю. Меня же там не было. Ну я так понял взяли вас?

– Да, в последний момент. Я уже громко начал охать и ахать, только потом мужики забежали, но всё обошлось, в цвет нас взяли. Он как заорёт, что ни причём здесь, а куда там. Сверху на мне сидит, тут ему уже не сорваться.

– Не надо мне подробности вашего интима рассказывать. Ни к чему мне это.

Васильев вызвал атасника, который был ответственным за флажок.

– Ты что так долго? Чуть нам всю операцию не сорвал.

– Василий Васильевич, да я такое первый раз вижу. Я такого даже в порнухе не видел. Смотрю, как они там изгаляются, рот открыл от удивления и про флажок вообще забыл. То сверху, то снизу, то бочком. Хорошо, что Кочетков начал орать от удовольствия, я и вспомнил про флажок. Но мужики успели прибежать, в последнюю секунду успели.

Васильев пообщался с мужиками, которые взяли их с поличным, потом очередь дошла до Курёнова Ивана. Курёнов всё подтвердил, да, есть у него склонности к таким отношениям. Деревянный фаллос его личный, сам себе сделал, но кайфа от него нет, как от живого человека. Вот Курёнов и решил попробовать с Геной Кочетковым закрутить трали-вали.

Петров и Зубов от результатов операции Васильева были в шоке, так как сказывается старая советская школа. Они много повидали, но вот именно такое первый раз. Осужденный Курёнов отсидел пятнадцать суток в ШИЗО и заехал в гарем под кличкой Баба Ваня. Штат Гены Кочеткова увеличился на одну боевую единицу, чему он был несказанно рад.

ИК-12. Цветные карандаши

Две недели в изоляторе Калугина практически не трогали. Изредка подмлаживали, когда выгоняли на прогулку, но не более того. Калугин даже и не надеялся, что про него забыли. Он прекрасно понимал, что ему дают время поправить здоровье, а дальше неизвестно. Не каждый день эки выпрыгивают из окон оперативного отдела. Плюс в этом был только один. Порядочные эки в зоне, если и остались такие, наверно понимали, что он не сука, а простой мужик. Опушенный по беспределу, но не сломленный администрацией.

– Калугин, на выход. – крикнул прапорщик, открывая двери камеры ШИЗО. – Бегом, бегом, руки за спину.

Калугин побежал по коридору изолятора в кабинет оперативного отдела, где его уже ждали. Забежав в кабинет, он увидел Шмарова и ещё четырёх оперативников. Калуга встал по стойке смирно и прокричал доклад. Опера не обращали на него внимания. Все подкалывали Шмарова, удивляясь, как спортсмен будет пить стакан водки одним залпом. Если он не сможет этого сделать, то звёзды старшего лейтенанта носить нельзя. За каждый погон по стакану он обязан выпить. Андрей отшучивался и говорил, что ещё не вечер. Он их всех, вместе взятых, перепьёт.

– Здорово попрыгун. – сказал Шмаров Калугину. – Как дела?

– Здравствуйте гражданин начальник. Дела согласно распорядку дня.

– Это хорошо, какие планы на будущее?

– Да какие у меня планы, отбываю уголовное наказание. Планов нет.

– Ты чего добиваешься в этой зоне? Хочешь белой вороной быть?

– Никак нет гражданин начальник. Я не пойму почему меня постоянно избивают. На мне уже живого места нет.

– Сам виноват. На оперов работать не захотел и из окна выпрыгнул. Мы тебе жить дали, а ты про нас забыл.

– Да какая это жизнь, когда по приезду опустили по беспределу. Я обычный работяга, не умею я больше ничего. Могу только на швейке работать.

– Беспредела здесь нет, здесь закон! Такие, как ты, у бабушек пенсии воруют, а потом прокалывают их. Понятно?

– Так точно. Только я пенсии не воровал и наркотики никогда не употреблял, гражданин начальник.

– Я смотрю ты поговорить захотел? Мужики, давай на стол этого пидора.

– Да за что опять? – закричал Калугин.

На него все навалились и положили спиной на стол. Чтобы он не двигался, тело зафиксировали автомобильными ремнями безопасности. Их обмотали вокруг него и столешницы, а руки и ноги привязали к ножкам стола скотчем. Калугин мог только мотать головой из стороны в сторону.

– Так, господа офицеры. – сказал Шмаров. – Руководством поставлена задача отработать новые методы воспитания осужденных. При этом на их теле не должно быть видно следов, то есть синяков, ссадин и прочего. Я подчёркиваю, никаких следов насилия.

– Андрей ты конкретно говори, что делать? – спросил опер Женька Садомский. – Бить, не бить или пытаться?

– Вот мы сейчас и будем пробовать. Есть предложение начать с полиэтиленового пакета.

– А пакет есть? – спросил Садомский.

– Есть! – ответил Андрей и демонстративно достал из кармана чёрный пакет.

Опера надели пакет на голову Калугина. Зажали его руками вокруг шеи, чтобы перекрыть доступ воздуха.

– Время засекай. – скомандовал Андрей Женьке Садомскому.

Пакет надувался и сдувался, надувался и сдувался, облекая голову Калугина. Он сначала кричал, но кислорода становилось всё меньше и меньше. Потом он начал хрипеть, а потом задыхаться и судорожно дёргаться. При очередном вдохе Калугин втянул часть пакета в рот и начал грызть его зубами. В результате этого он прогрыз в пакете небольшое отверстие.

– Три минуты. – сказал Садомский. – Андрей, тут надо или пакет крепкий или что другое.

– Вижу, снимай пакет.

Садомский снял пакет с головы Калугина. Его лицо было красное с распухшими венами на висках и шее.

– Следов на шее нет, так, немного, как будто об воротник натёр.

– Ну это нормально. – сказал Шмаров. – Как самочувствие Калугин?

– Вы садисты... – недоговорил Калугин и получил по печени от Андрея его коронный удар.

– За языком следи, петух ебанный. Что будем делать мужики?

– Надо несколько раз пробовать. – ответил Садомский. – Так не понять. Я пойду другие пакеты поищу, а вы пока ещё что-нибудь думайте.

– Пока он ходит, давайте пакет перевернём. Дырку на затылок поставим и ещё раз попробуем. – решил Андрей, чтобы не тратить время зря.

Вторая попытка была аналогична первой. Калугин прогрыз пакет, огрызнулся и опять получил по печени. Шмаров сделал вывод, что данный метод можно использовать, но он не идеален. Надо пробовать со скотчем, которым необходимо заклеить рот. Так пакетов не напасёшься на этих уродах.

Садомский принёс ещё один пакет. Калугину заклеили рот скотчем и надели пакет на голову, опять сжав его на шее. Шмаров оценил схему с использованием скотча, доведя Калугина до судорог. Вовремя снятый пакет с головы и нашатырный спирт, приготовленный заранее, вернули Калугина к жизни.

Через полтора часа экспериментов с разными пакетами и осужденным Калугиным Шмаров сделал очередной вывод. При использовании способа со скотчем необходимо чтобы у ээка не было насморка. Трудно понять не симулирует ли испытуемый, а сквозь пакет этого не видно.

Далее пошли эксперименты с садовой прозрачной плёнкой. Потом начались предположения о болезнях зэков астмой или сердечно сосудистыми заболеваниями.

В итоге через четыре часа работы с осужденным Калугиным стало понятно, что он полностью измотан. Метод верный, хоть и с некоторыми особенностями. Коллегиально было принято решение взять такой метод воспитания осужденных на вооружение.

– Будешь стучать? – спросил Шмаров Калугина подводя итоги сегодняшнего дня.

– Я не умею.

– Ну смотри. Не хочешь, как хочешь. В камеру его.

Калугина развязали, осмотрели и убедились, что тело в нормальном состоянии. Потом его за ноги утащили в камеру ШИЗО. Вечером ему доктор Аметисов сделал укол успокоительного, так, на всякий пожарный случай. В камере Калугин кое как сходил в туалет и держась за стену лёг на пол. Перед его носом стояла пайка, но о еде он даже и не думал. Он настолько был измучен, что у него не было сил разбить себе голову о стену. Хотя он только об этом и думал, когда задыхался в пакете. Через несколько минут Калуга уснул.

Ночью в камеру к Калугину зашли трое зэков в чёрных масках. Они заткнули ему рот тряпкой и заломили руки за спину. После этого его загнали на шконку и изнасиловали. Калугин сопротивлялся как мог, но отсутствие сил и укол успокоительного превратили его в кусок мяса. На сопротивление это было мало похоже. Самое обидное помимо изнасилования было то, что в соседних камерах всё слышали. Слышали, но молчали. После изнасилования неожиданно пришёл доктор Аметисов и сделал ещё один укол успокоительного. Калуга уснул.

На следующий день Калугина привели в подвал, где ранее ему отбивали ногти. Там его уже ждал Шмаров и все те, кто был вчера. Шмаров был уже в курсе, что день работы с пакетом приносит свои плоды. Это действительно отнимает силы зэка так, что он практически не может сопротивляться даже изнасилованию. Но этого было мало. Зэк ещё не был сломлен, а значит цель не достигнута.

– Ну что, надумал работать на оперотдел? – спросил Шмаров.

– Зачем Вы так со мной? Что я Вам сделал? – ответил Калугин вопросом на вопрос.

– Стучать будешь?

– Нет.

– Ну тогда продолжим, в тиски его.

Калугину левую руку обмотали ватой и зажали в тиски. Правую пристегнули наручниками к решётке.

– Опять ногти отбивать будете? – ухмыляясь спросил Калугин.

– Нет, ногти мы не будем трогать. – ответил Шмаров и достал из кармана цветные карандаши.

Опера вставили между фаланг пальцев Калугина три карандаша и начали сжимать пальцы между собой. Калугин закричал от боли, но ему заткнули рот тряпкой. Боль была невероятной, казалось бы, обычные карандаши. Такого у Калугина никогда не было. Он стонал, рычал, но ничего не мог сделать. Один опер держал пальцы. Второй выравнивал карандаши относительно плоскости руки на девяносто градусов. Третий сильно сжимал руку Калугина. После пятнадцати минут эксперимента с карандашами Калугин не чувствовал свои пальцы. Он только и мог от боли переминаясь с ноги на ногу. Тиски крепко держали его руку и со стороны это выглядело банально – как будто он очень сильно хочет в туалет.

– А теперь пакет. – резко скомандовал Шмаров. – Попробуем совместить.

Калугину заклеили рот скотчем и надели пакет на голову. Началась вчерашняя процедура. Шмаров периодически бил его по печени и через полчаса у Калугина подкосились ноги. Он повис на руках.

– Перерыв, идём курить. – сказал Шмаров, и все ушли на перекур.

Калугин висел и думал о том, что ему делать? Что предпринять, чтобы от него отстали? Может действительно начать стучать? Когда его ночью насильовали в камере ведь никто даже ничего не крикнул. В карантине тоже никто не спросил кто он и что он. Да и в отряде тоже. Каждый был сам за себя. Так если всем на меня похуй, тогда зачем мне страдать? Меня насилюют, пытаются, бьют, меня убьют и никому до этого нет дела. Это же моя жизнь, если её так можно назвать, но жизнь. В этой зоне и так все стучат друг на друга. Зона стукачей и маньяков, как среди эков, так и среди мусоров. Я калеккой отсюда выйду по концу срока. Они хотят, чтобы я стучал, значит я буду стучать. Что я сказку им не расскажу, что ли, что они лучше цветных мусоров? Да если бы меня за каждую кражу садили, я бы уже лет сто отсидел.

– Ну что Калугин, как себя чувствуешь? – спросил пришедший с перекура Шмаров.

– Гражданин начальник, я буду стучать, слово даю. Дайте ручку и бумагу. Я буду писать про всё, что знаю. – сходу заявил Калугин Шмарову.

– Вот те раз. – удивился Шмаров. – Наверно, как прошлый раз думаешь меня прокатить? Э-э не, так уже не получится.

– Гнездилов, сосед мой по шконке, общался с каким-то эком. Я его лицо не видел, но они говорили, что неплохо бы выйти в промзону. Там типа свободы больше и много мест, где можно прятать запреты, не то, чтобы в жилке.

– Так, поподробнее. – сразу заинтересовался Шмаров. – Какие запреты?

– Карты. Он говорил, что там больше возможностей поиграть в карты.

– Вот сука, я так и думал про этого Гнездилова. Отвяжите его, сейчас всё это мне напишешь. Вторая рука у тебя может писать.

Калугина отстегнули, дали ручку и бумагу и посадили за стол. Он всё написал, что ему было известно о Гнездилове и картах.

– Совсем другое дело! Отсидишь до конца изолятор и пойдёшь в отряд. Будешь смотреть за Гнездиловым и за другими тоже. Понял?

– Понял. – ответил Калугин и про себя подумал, что про Гнездилова и карты он придумал только что, а ему поверили. Нет, надо подождать, пока его не выпустят из изолятора и тут же ляпнул.

– А ещё завхоз отряда Кузьмин говорил, что ночью, он главный кум в отряде. Он решает кому и как жить.

– Я в отряде главный кум. – возмутился Шмаров. – Я, а не завхоз. Я решаю, как кому жить в отряде. А он с чего так базарил?

– Сигареты, когда с петухов собирал, типа в штаб надо отдать.

– С петухов? Ты не перепутал?

– Отвечаю. Вы мне работу дайте, я ещё много чего узнать могу. Он двух петухов бил в сортире, а я срал сидел в это время. Они меня не видели. Он так им и говорил, что сигареты надо к утру в штаб отправить.

– Какие сигареты ты знаешь? Марка какая?

– Не знаю, не видел. Ну всяко не Прима без фильтра, они про Америку говорили.

– Так, всё понятно. В камеру иди, потом поговорим после твоей отсидки.

Про завхоза Кузьмина и петухов – была правда. Калугин так сам и не понял почему он это рассказал. Наверно нужно было всё-таки хоть какую-то правду говорить. До конца срока изолятора Калугина больше не трогали. Он спокойно вышел в отряд. Никто к нему не подходил и не интересовался его здоровьем. Никому не было интересно почему он выпрыгнул из окна. Всем было на него насрать. Каждый был сам за себя и сам по себе.

Гнездилова посадили в ШИЗО. Завхоза Кузьмина Шмаров подмолодил так, что он хромал почти месяц. Западло было Шмарову курить петушиные сигареты, но как он, в такой зоне, вообще мог их отличить? Все через одного опущенные. Калугин задавал себе только один вопрос – почему никто не жалуется? Может и жалуется, но он этого не знает. А как он узнает,

если никто ни с кем не общается. У всех рот на замке. В зоне одни зомби, овощи и роботы сидят. Если ты не из этого списка, то ты или пёс, который ждёт кость и команду фас, или насильник.

ИК-50. Денди Эскобар

Бобышкин вызвал Рылькова закончить разговор о крупных поставках наркоты в зону.

– Ну что Крокодил, когда займёмся взрослыми делами? Как ты помнишь, я твою шкуру спас от непоняток.

– А я жду, когда ты сам созреешь, Алексей Адамович. В таких делах напрашиваться не принято. – ответил Рылков.

– Ну я так понимаю мы оба готовы?

– Я всегда готов. Тогда по старой схеме и будем работать. У тебя есть второй комплект формы?

– Есть, а зачем?

– Ну по карманам крупные веса тырить – это детский сад, слишком приметно. С сумкой наркоты тебе тоже не резон в зону заходить.

– Ну тогда рассказывай, ты у нас крупный наркоделец. Как там у вас это делается.

– Адамович, сначала тебе нужно занести второй комплект формы в зону. Можно новую в промке сшить, чтобы всегда была у тебя в кабинете. Она нам потом ещё понадобится.

– Так, интересно, что дальше?

– В субботу ты приедешь в ателье, я адрес потом скажу, и отдашь туда эту форму, в которой ты сейчас ходишь. Её подготовят, а в воскресенье заберёшь.

– А что значит подготовят?

– Ей сделают новую подкладку. Она правда станет немного тяжелее, но со стороны это не видно будет. Знаешь, как пуховики делают?

– Ну примерно.

– Вот только вместо пуха или синтепона там будут наркотики. В кассетах будут пакеты, но всё будет сделано аккуратно. Ты не переживай, такой очень тонкий пуховик получится.

– В смысле? Как бронезилет что ли?

– Нет. Как бронезилет – это зимой удобно. Летом лучше всю форму обшить тонкими кассетами, так вообще не видно будет.

– Что дальше?

– Одеваешь форму и идёшь на работу. В зоне пойдёшь на обход и зайдёшь в столовую. Там тебя баландёр, случайно споткнувшись, обольёт баландой.

– Ты шутишь?

– Не отвлекай. Ты, конечно, для вида дашь ему по башке и скажешь, чтобы дневальный принёс тебе из кабинета запасную форму. В кабинете завхоза столовой Пастухова переоденешься и пойдёшь дальше работать.

– Пастухов тоже твой человек? – насторожено спросил Бобышкин. – Он в курсе этих дел?

– Лёша, ты ещё наверно не совсем понимаешь, что такое зона. Вы мусора думаете, что всё знаете, видите и всё контролируете. Но вам никогда не окунуться в этот мир, как бы вы не старались. В колхозе своя жизнь идёт. Не важно, красный ты или чёрный, хоть голубой, всё на общее благо. Каждый знает то, что должен знать, не больше. Тут каждый зэк наш человек, даже если и думает, что он не наш, а ваш.

– Ладно, с этим понятно, дальше что?

– А что дальше? Форму тебе постирают и в кабинет принесут. Потом приедешь на адрес, который я тебе скажу и получишь кровно заработанные. Потом готовимся к следующей партии. Работаем раз в месяц, полтора, не больше.

– И что мне каждый раз вот так переодеваться?

– Лёша, способов, чтобы занести наркоту в зону, миллион шесть штук. Но все её ищут в самом тайном месте, мы фантазируем и её там не прячем. Наркота, по сути, на виду, вот ты бы догадался, что у кого-то форма так сшита?

– Не думал об этом, если честно.

– А ты задумайся. Если хочешь спрятать хорошо, то прятать надо на видном месте и никогда не повторяться. Представь себе, если бы тебя два раза в месяц баландёр баландой в столовой обливал. Даже дурак бы догадался, что здесь что-то не так. Сегодня форма, завтра ботинки тебе новые сделаем, послезавтра машину на ремонт загонишь и так далее.

– Ну и сколько там в форме будет?

– Да примерно килограмм, полтора, не больше. Героин и марихуана в основном, немного ханки для одного старовера.

– Ну и сколько я получу за это дело?

– Тридцать. И это не обсуждается. Думай, сравни со своей зарплатой и ещё раз подумай.

– Хорошо. – сказал Бобышкин, прикинув в уме, что тут хватит всем, включая долюху Горлова. – Тридцать так тридцать, договорились. Адрес ателье называй.

– Зайдёшь в Дом Мод, в подвале есть ателье «Дождь». Тебя там будут ждать мои люди через неделю.

Последующие полтора года для Бобышкина были наверно самыми славными. По крайней мере он так считал в тот момент. Каждый месяц он заносил крупную партию наркотиков и потом ни о чём не думал. Денег хватало с головой и больше. Половину денег он оставлял себе, а вторую половину отдавал Горлову. Деньги в почтовом конверте с надписью «Белый аист» Лёша относил туда, куда говорил Горлов.

Бобышкин заносил такие партии наркотиков в специальных жилетах под рубашкой. В переделанных ботинках с пустотелыми каблуками и подошвой. Загонял на ремонт свою машину, в которой бесчисленное количество мест, где можно спрятать наркоту. В трусах, в перешитом съёмном меховом воротнике бушлата, да и в самом бушлате. В ход шли шапки, кожаные папки для бумаг, специальное нательное бельё. В общем всё то, что было на виду, но в тоже время и не было видно.

Бобышкин с Рыльковым в штабе больше никогда не встречались, только в зоне. Они виделись, когда Бобышкин совершал обходы или делал шмоны на объектах. Рыльков всегда приходил сам или уже был там, куда приходил Бобышкин. Они никогда не повторялись в своих действиях. Адреса, куда ездил Бобышкин за наркотиками или за деньгами, тоже всегда были разные. Люди, с которыми он там контактировал, всегда были новые.

Рыльков освободился и за себя никого не оставил. После освобождения из зоны Бобышкин никогда его не видел. Разовые, но при этом крупные поставки в зону наркотиков прекратились. Бобышкин изучил за это время круг общения Рылькова и перешёл на индивидуальные заказы. Деньги, конечно, уже не те, что раньше, но жизнь на этом не остановилась. Круг общения Бобышкина среди порядочных зёков расширился. Крокодил с кем попало не общался, только с серьёзными людьми. Зэки, зная, какие объёмы Крокодил доверял Бобышкину, охотно шли с ним на контакт.

Глава 6

ИК-3. Мозаика

Петров позвал Васильева к себе в кабинет.

– Василий Васильевич, пора тебя посвящать уже в более серьезные дела. Деньги искать да петухов с наркоманами хлопать – это хорошо, но тебе надо расти, слушай внимательно. – с серьезным видом сказал Петров.

Васильев сел на стул и насупил брови.

– Слушаю, Пётр Петрович.

– Есть косвенная информация и подозрение, что прапорщик Жуков Олег из группы надзора, таскает в зону наркотики. Мы пока примерно понимаем, что это трёхэтажка 10-го, 11-го, 12-го отрядов, кстати, 12-й, это твой отряд. Агентура сообщает, что сразу после обходов инспекторов дежурной смены наркоманы начинают двигаться, идёт суета и они ставят ещё одного атасника. В общем классика, но нет системы. Жуков работает сутки через трое, а движение наркоманов начинается внезапно. Угадать, что это именно он занёс, пока не получается. Почему я говорю, что это пока подозрение. Во-первых, эки могут специально начинать суетиться только после обхода определенного сотрудника. Закинут для этого в массы дезинформацию, которая до нас дойдёт, а поставщик может быть другой. Это нормальный, грамотный и хитрый ход. Во-вторых, Жуков несколько месяцев назад развёлся с женой и плотит алименты на двоих детей. В-третьих, он последнее время стал часто выпивать. Как со смены домой идёт, так сразу в магазин за спиртным заходит. И четвёртое, последнее, квартира досталась семье, а он снимает однокомнатную в пятиэтажке на улице Лиговской 406. Кстати, к нему постоянно ходят в гости дамы лёгкого поведения. Вопрос, откуда деньги?

– Петрович, и пятое. – добавил Васильев. – Жуков с напарником Галкиным ходит, почему на него не думаешь? По логике вещей он тоже может носить наркотики.

– Согласен, что может, но не носит.

– Почему такая уверенность?

– Я тебе и так уже много сказал, рано тебе это ещё знать.

– Петрович, а ты откуда столько про его личную жизнь знаешь?

– Вася, мы же не только осужденными занимаемся. Зная, как живёт сотрудник дома и какие у него проблемы, можно спрогнозировать его поведение в зоне.

– Я понял, но ты Петрович не ответил на мой вопрос. Извини за наглость.

– Молодец, шарить. Вася, настоящий опер – это не тот, кого бояться, а тот, кому всегда все рады. Общайся больше с людьми и вникай в их проблемы. Помогай чем можешь, но в пределах разумного. Расположи к себе человека. Будь простым. А потом, когда научишься общаться с любым человеком на его волне, тебе столько информации расскажут. Они даже подозревать не будут, что она для тебя очень важная. Ты какой-нибудь якобы очень тайный секрет расскажи, разговор завяжется и агентуры никакой не надо. Твоё дело только всю информацию по полочкам разложить, а потом в нужный момент достать её из шкафчика под названием мозг. Тебе останется только слепить из этой информации образ, схему, мозаику. В общем в итоге всё встанет на свои места. Понял?

– Понял, а как брать его будем? Надо с поличным и лучше при входе в зону.

– Не торопись брать. Собери сначала больше информации по нему. Если я начну твоих осужденных часто к себе вызывать, то смогу вызвать подозрение. Начни работу по Жукову сам,

только плавно, как бы незначай, а я по своим каналам дальше буду инфу рыть. Потом состыкуем наши результаты, а там видно будет, что делать.

– Так он дальше носить будет?

– Лучше пусть носит и привыкает, чем просто его спугнуть. Он сейчас начнёт бдительность терять и наглеть. Когда по рукам не бьют, человек расслабляется. Спугнуть нельзя, а если возьмём, то и другим неповадно будет. Торопливость нужна только при ловле блох. Я надеюсь на тебя, не засветись только. Василий Васильевич, запомни, настоящий опер – это хирург, артист, ювелир! Понял?

– Понял. – ответил Васильев и про себя подумал, что Петрович точно настоящий ювелир. Не зря у него три дочери.

Васильев начал сбор оперативной информации и вызывал к себе всех без разбору. В отсутствие Жукова на смене, он стал подольше задерживаться в трёхэтажке. Старался вести себя так, как учил Петрович, шутки, прибаутки и так далее. Петрович был прав, Васильев начал столько интересного узнавать от осужденных, что даже не ожидал такого. В кабинете у оперов, сделал вывод Васильев, не всякий осужденный расслабляется. Ночью в отряде осужденные общаются совсем по-другому. Обстановка другая, когда они мимо него в трусах ходят в умывальник или в комнату приёма пищи. Васильев вспомнил про начальника оперчасти Александрова и решил провести эксперимент, в точь-точь, как рассказывал Петрович.

Васильев узнал многое. Когда днём спит начальник отряда и кто скоро будет смотреть за городом. Где стоят в Центральном районе лучшие проститутки и почему постоянно дорожает бензин. Но самое главное то, что прапорщик Жуков придирается к одному и тому же осужденному во время ночных обходов.

– Василий Васильевич. – не останавливаясь болтали ээки. – Этот Жуков всегда цепляется к Димке Новикову. Тот идёт ночью в туалет, он его прощмонает всего, ну ладно, иди куда шёл. И так каждую смену. Ну коль так, посади его в ШИЗО и дело с концом. Два, три раза в неделю вот так его доканывает. Представляете, Василий Васильевич? А сам обход толком не делает, туда, сюда походит, только фонариком в секции посветит для понта. На обратном пути сам сходит в наш туалет и дальше пошёл по зоне гулять.

– А почему Новиков к нам не придёт и не пожалуется на Жукова? – спросил Васильев ээков.

– Василий Васильевич, Вы что? На шмон жаловаться так-то не по понятиям, да и по закону всё правильно. Сами же нам говорили, мало ли, что у ээка трусах. Вдруг карты или граната, обязательно надо проверить. – скользко пошутили осужденные.

Васильев понял, что увлёкся артистизмом, забыв про понятия и закон. Ага, в трусах граната или карты, или деньги для Жукова на наркотики? А где Жуков тогда наркоту берёт? Не понятно. Васильев понял кому носит Жуков. Это однозначно Новиков, а он сидит за хранение и сбыт героина. Вот это уже интересно, но пока только косвенно. Надо отработать Новикова.

– Ладно хулиганы, спасибо за чай с конфетами, но мне надо идти. Будут вопросы или проблемы, заходите. Это можно и по понятиям, и по закону. – сказал Васильев и ушёл.

Васильев пришёл в штаб, сел в кресло в своём кабинете и начал складывать мозаику. Ну допустим это Новиков. В туалете они могут парой слов перекинуться или когда он его шмонает. В принципе и наркоту передать тоже может, а может и деньги взять. Но где сам Жуков наркоту берёт? Не уж-то сам покупает? Это ни в какие ворота не лезет.

Васильев на следующий день рассказал свои мысли Петровичу. Петрович сказал, что надо проверить телефонные переговоры. Если Новиков там бывает часто, значит у него есть свой человек на воле. Возможно, Новиков кого-нибудь просит звонить его человеку. В этом направлении надо шагать. Васильев понял, что нужно делать дальше.

– А может за Жуковым проследить, когда он домой едет? – спросил Васильев.

– Не надо. – ответил Петрович. – Мои люди уже следят. Через неделю буду точно знать кое-что интересное.

– Что?

– Вроде мелочь, но! Иногда он покупает дорогой коньяк, а иногда дешёвый самогон. Причём не в зарплатные дни. Вот раз и деньги есть на дороге бухло. А нам Вася надо всё это в одну картину сложить. Когда поймём, как работает схема, тогда и будем брать его с поличным.

Васильев стал наблюдать за телефонными переговорами Новикова. В итоге выяснил, что он оказывается частенько звонит домой. Васильев поставил своего человека краем уха слушать, о чём говорит Новиков на телефонных переговорах. Далее было установлено, что он всегда просит передать из его квартиры учебники своей племяннице Олесе. После каждого такого звонка всегда на следующий день на смену заступает Жуков, идёт по 12-му отряду и шмонает Новикова. Потом начинается наркоманское движение в трёхэтажке.

Обсудив данную информацию с Петровичем, Васильев узнал, что после таких суток Жуков покупает в магазине дорогой коньяк. Данный ход событий произошёл уже два раза. Только было непонятно, как происходит расчёт деньгами за доставку наркотиков. Но стало очевидно, что, если перед суточным дежурством Жукова, Новиков звонит домой, значит будет доставка наркотиков. Решено было ждать следующих телефонных переговоров Новикова.

Новиков пришёл на телефонные переговоры, как раз перед суточным дежурством Жукова и попросил передать книги Олесе. Васильев и Петров уже прекрасно понимали, что Олесья – это и есть Олег Жуков. Значит завтра утром он понесёт наркотики в зону. Новикову на том конце провода утвердительно ответили, что всё будет хорошо, книги сегодня передадим. Петров и Васильев решили, что завтра надо пораньше приехать на работу и ждать Жукова, когда он пойдёт в зону.

На следующее утро Петров и Васильев ждали прапорщика Жукова в КДС. Смотрели через окно в двери, когда он будет проходить через КПП-люди. Жуков шёл через КПП спокойно, поздоровался с охраной и обменял удостоверение на жетон. После чего был немедленно приглашён Петровым и Васильевым в кабинет комнаты длительных свиданий.

– Олег, при тебе имеются запрещённые предметы? – сразу спросил Петров.

– Да ты что Петрович, ты же знаешь, конечно, нет. – испуганно ответил Жуков.

– Точно? Даю минуту подумать и самому всё сдать.

– Петрович, у меня нет ничего. Я не понимаю, что происходит? – Жуков занервничал. – Если хотите, обыскиваете.

– Успокойся, если нет ничего, значит волноваться нечего. Обычная проверка. Ты же знаешь, что мы так периодически делаем.

Васильев и Петров начали досмотр одежды Жукова. В итоге стало понятно, что у него ничего запрещённого нет.

– Я же говорю, что ничего нет. Зря вы так. Я столько лет здесь служу, а вы. – взбодрился Жуков и начал одевать куртку.

Петров и Васильев переглянулись между собой и поняли друг друга, что промахнулись. Причём жёстко промахнулись и теперь уже ничего не сделаешь. Столько времени впустую потрачено. Жуков пошёл на выход, и Васильев случайно увидел, что у него на правом рукаве куртки шеврон с орлом пришит разными нитками. Как будто поверх чёрных ниток, ещё раз в одном месте пришито синими нитками. Странно.

– Олег подожди, ещё не всё. Сними куртку. – остановил Васильев Жукова. – Дай ещё раз посмотреть.

Жуков снял куртку и отдал её Васильеву. Он стал пальцами прощупывать рукав куртки и почувствовал уплотнение под шевроном.

– Олег, а что у тебя шеврон разными нитками пришит? – спросил Васильев.

– Да я не помню почему так, давно пришивал. Да это куртка старая, даже не помню откуда она у меня. – взволнованно ответил Жуков и его глаза забегали.

Васильев потянул шеврон в сторону и нитки легко разошлись. Под шевроном оказался полиэтиленовый пакетик с белым порошком.

– Это не моё, я не знаю, что это. Говорю же не помню откуда эта куртка старая. – оправдывался Жуков.

Петров и Васильев вывели его за зону и завели в кабинет оперативного отдела. После получасового разговора Жуков признался, что это его рук дело.

– Денег не хватает. С женой развёлся, алименты. Жизнь под гору покатила. А тут этот Новиков подкатил. Я с его братом ещё в школе учился. Ну вот и решил немного денег халявных подзаработать.

– А кто рассчитывался с тобой и где? – спросил Васильев.

– Брат его. Когда давал отраву, сразу давал и деньги. Штука за одну ходку. Я под шеврон зашиваю и всё. Моё дело только отдать. Ночью иду по обходу и Новикова встречаю. Нитки на шевроне надорву, отдам пакет и дальше иду. Как-то так. Что теперь со мной будет?

– Начальник решит. Жди пока здесь. – сурово ответил Петров.

Через десять минут пришёл Зубов Валентин Валентинович и прочитал Жукову лекцию про предательство. Про то, что тот поедет из зоны в зону, но только теперь сидеть. После этого взял с него рапорт на увольнение и отправил его в отдел кадров.

Петров и Васильев довольные собой направились в зону.

– Молодец Вася! Молодец, я уже думал, что лоханулись мы с тобой. Как ты увидел эти нитки разные? Я бы даже не подумал.

– Не знаю, увидел и всё. – ответил Васильев. – Новикова садим в ШИЗО?

– Садим. Дважды по пятнадцать надо выписать ему, а там видно будет.

Прапорщик Жуков был уволен. Официально его не стали оформлять, так как никто не хочет иметь пятно на колонии. Новикова водворили в ШИЗО. Васильев, Петров и Зубов сидели вечером в кабинете за зоной и пили водку. Поводом была удачно проведённая операция. Петрович учил Васильева обращать внимание на случайные события. Возможно, на первый взгляд, они не имеют ничего общего между собой, а если хорошо подумать – это звенья одной цепи.

ИК-12. Дорогое предложение

Прошло полгода. Калугин раз в месяц приходил к Шмарову и сливал по мелочи информацию. Кто с кем общается и что говорят. Кто нарушает режим содержания. Кто после свиданок или посылок делится продуктами и сигаретами с другими осужденными. В общем всякая бытовуха, которая была интересна Шмарову. Но по личному мнению Калугина наверно никогда бы не заинтересовала нормального кума в обычной колонии. Таких, как Калугин, в зоне было много. Он уже научился их отличать от других осужденных.

Все сливали всякую ерунду, из-за которой эков били, пытали и садили в изолятор. Потом всё начиналось с начала и дальше шло по кругу. Именно эта мелочь, из-за которой всех били, и не допускала даже мыслей подумать о чём-нибудь более серьёзном. За слова типа наркотики, деньги или водка, сказанные вслух, опера сразу садили в ШИЗО без разбирательств. Со временем Калугин понял, что, если бы он захотел кому-нибудь навредить, нужно было красиво доложить Шмарову. К примеру, Вася Пупкин интересовался, где взять плёнку от флюорографии для изготовления карт или ему на свиданку жена обещала привезти спиртное. Через час этого Васю Пупкина ждала неминуемая пытка в оперативном отделе. Потом изолятор и про свиданку можно было забыть, как минимум на полгода.

Шмаров был скорее режимником, чем оперативником и всю информацию от Калугина принимал за чистую монету. Но он был и не дурак, просто в этой колонии свои особенные приоритеты. Здесь задача кума выбить информацию, именно выбить, и никак по-другому. Другое не приветствуется. Вся оперативная информация должна поступить только через боль. И вот так все сливают друг друга и по кругу катаются в изолятор.

Конечно, если разобраться, Калугин получается, что тоже ссучился. Для него это был уже способ выживания. Он не мог больше терпеть пытки и изнасилования, как и в принципе многие зэки. При всём при этом Калугин доводил до Шмарова ничтожную информацию. Её, по мимо него, знали и видели многие зэки. Он всегда был уверен, что уже не первый, кто сообщил об этом в оперативный отдел. Калуга старался чтобы из-за него зэки не страдали, но это была лотерея. В глубине души он оправдывал сам себя. Если бы его не отпороли на этапе, он бы не опустился до этого. Его до этого состояния довели силой.

– Калугин. – начал серьёзный разговор Шмаров. – Вот ты вроде работаешь на меня, а я тебе не верю. Нет преданности в твоих глазах, понимаешь?

– Не понимаю, Андрей Андреевич. Я же приношу Вам информацию каждый месяц. Уже полгода я работаю на оперативный отдел. Объясните пожалуйста.

– Таких информаторов, как ты, у меня до хуя. Стучите там ерунду всякую, но нет преданности в тебе. Ну вот не доверяю я тебе.

– Андрей Андреевич что сделать надо, чтобы Вы мне поверили? – Калугин начал настаивать в преддверии пыток, которыми завяло в воздухе.

– Ты же почему стучать начал? Потому что тебя пиздили. Ты же сам не пришёл ко мне с информацией? Нет. Значит стучишь из-за страха, что опять получишь пиздюлей. Это не по желанию, а по принуждению. Понимаешь?

– Так я, это, я, Вы как сказали, так я и делаю. – Калугин начал заикаться, не понимая к чему клонит Шмаров и начал морально готовиться к полиэтиленовому пакету, резиновой палке или к изнасилованию.

– Ты вот думаешь почему здесь зэков на этапе ебут?

– Э-э, я, я не знаю. – совсем в ступор вошёл Калугин.

– Для порядка! А почему зэки зэков ебут?

– Наверно тоже для порядка. Раз сказала администрация, значит так надо. – наугад ответил Калугин.

– Ну-у, типа того. Так вот, завтра со мной на этап пойдёшь. Если выебешь зэка по этапу, значит я буду тебе доверять. А если нет, то тебе пиздец. Полный пиздец, ты понял? Да и тебе самому наверно уже давно охота кого-нибудь отъебать. Вот и докажешь заодно свою преданность оперативному отделу. Совместишь приятное с полезным.

– Вы серьёзно?

– Я что на клоуна похож? Или ты отказываешься?

– Никак нет, я всё понял. Просто предложение необычное. – ответил Калугин и прикусил язык. Опасно было спрашивать о том, что ему будет, если он откажется от этого предложения, а наверно уже теперь приказа.

– Вопросы есть?

– Нет, а куда мне завтра идти?

– Я тебя сам вызову. Маска, гондоны, всё есть. Ты про это не переживай, я же не враг своим преданным агентам. До завтра, свободен.

– До свидания гражданин начальник. – сказал Калугин и ушёл в отряд.

– Вот и посмотрим, осужденный Калугин, преданный ты агент или просто так хочешь на чужом хую в рай уехать. – добавил Шмаров после ухода Калугина.

Калуга шёл в отряд ошарашенный предоставленной ему Шмаровым свободой выбора. Ничего не меняется в этом мире – или ты, или тебя. Калуга наверно был готов вытерпеть всё,

но насиловать эков он точно не хотел. Что угодно, но не это. Они и так его превратили в стукача. Теперь хотят из него маньяка сделать? Да его завалят за это, не в этой зоне, так в другой. Да хоть на воле, за такое завалят, где угодно. Да даже дело не в том, что его завалят. Он и в самом страшном сне не мог себе представить, что сам насилует эков. Это был уже перебор даже для Калуги.

Вечером после отбоя он лёг на шконку. Калуга укрылся полностью одеялом и тихо заплакал. Капли дождя застучали по стёклам барака.

ИК-50. Братишка

Бобышкин и его троюродный брат Роман Дюбов сидели в ресторане по случаю дня рождения супруги Ромы. Рома работает в кредитном отделе всем известного банка. Часа через два основная масса приглашённых уже напилась и все пошли танцевать. Рома начал с Лёшей серьёзный разговор.

– Лёша, у меня к тебе есть дело на взаимовыгодных условиях.

– Какое?

– Через год, полтора нашему банку придёт конец. Он изначально был слабеньким и трудно выдерживал конкуренцию, но суть ни в этом. Есть вариант, пока банк ещё действует, поднять денег. Причём практически законно.

– Что значит практически? Ты говори, как есть и причём тут я? – удивился Бобышкин.

– Короче, схема простая. Оформляем кредиты и делим их.

– Не понял, а от меня что нужно? Ты не тyani, я не банковский работник. В вашей сфере туго соображаю.

– Ты даёшь нам паспорта своих эков, а мы оформляем на них кредиты. Деньги на всех поровну пилим и всё. Так понятно?

– Не совсем. Как можно на эка оформить кредит, если он в зоне сидит?

– Можно, ещё как можно. Нас в команде три человека. Я, безопасник банка и бухгалтер-кассир, ну и ты четвёртый, если согласишься.

– Ты подробнее расскажи, как схема будет работать. Мне без разницы кто там в команде, но дело больно скользкое.

– Ты приносишь мне паспорт осужденного. Мой человек из службы безопасности проверяет данную личность на надёжность и соответственно согласовывает. Я оформляю кредит, а кассир его выдаёт наличными деньгами. Потом ты забираешь паспорт обратно. Деньги делим на четверых по двадцать пять процентов каждому. Через год банк закрывают, бумаги в архив и всё!

– Вот так всё просто?

– Это пока. Лет через пять такое уже не провернёшь. Технологии меняются так быстро, что скоро все на зарплате будем сидеть.

– Суммы кредитов какие?

– Грубить не надо, двести, триста, не больше. Вот и считай за минусом комиссии.

– В принципе понятно. Паспортов у меня много, только какие конкретно нужны? Банк всё равно начнёт искать неплательщика, а он в тюрьме сидит.

– Нужны такие, которые только что сели и им сидеть лет пять. Банк развалиться и долги скупят. Пока новый в колею войдёт, года три пройдёт. Желательно, конечно, чтобы они освобождались в другом регионе и меняли прописку. Ну это в идеале. Первое время неплательщика искать будет наш человек, с этим проблем нет. Да и у банка этот риск уже заранее рассчитан. Всё застраховано и переживать не надо.

– Интересная тема, а как быстро это всё делается? Мне надо понимать на сколько времени вам нужен паспорт?

– Паспорт нужен на полдня.

– Всего? А человек для получения денег?

– Кассир – свой человек. Забыл, что ли? Все необходимые люди в этой схеме свои. Самое главное – это настоящий паспорт. Только настоящий, понял?

– Да понял я.

– И владелец паспорта должен быть живым. Ну с этим у тебя проблем нет. А то у нас пытались на паспорт покойника кредит оформить. На следующий день их сразу мусора уволокли.

– Слушай Рома, а если я тебе десять паспортов принесу. Осилишь?

– Лёша, наглеть не надо. Пока по одному кредиту в неделю, не больше. У нас там на работе тоже доброжелателей и конкурентов хватает.

– Ладно, давай подытожим. Значит нужен паспорт с местной пропиской. До конца срока около пяти лет. Желательно уехать по этапу в дальние края. Верно?

– Верно. Только ты не забывай, чтобы у него, желательно, в нашем банке не было кредита. Нужны несколько кандидатов на проверку, но это можно и без паспорта проверить. Самое главное, что человек должен быть чистым по нашему банку.

– Ясно. Я на следующей неделе подберу кандидатов. Подготовлю ксерокопии паспортов, а ты их проверишь. Кто подойдёт, того и паспорт буду доставать.

– Что значит доставать?

– А ты что думаешь, что у нас паспорта просто так на полочке лежат или у экзов в кармане? Они все в личных делах. Дела в сейфах под замком и пломбой. Не всё так легко. Это хорошо, что паспорт на полдня нужен, мне так проще.

– Даже не вмешиваюсь. Делай, как знаешь, так как я в вашей сфере тоже не соображаю. Ну что братишка, на том и порешали?

– Договорились.

В понедельник Бобышкин по картотеке отобрал пять подходящих кандидатов. Взял в спецотделе личные дела осужденных. Проверил паспорта, всё ли подходит для получения кредита. Сделал ксерокопии и вечером завёз их домой Роме. Через два дня Рома выбрал одного из них. Бобышкин утром пошёл в спецотдел и опять взял эти дела, пояснив, что они нужны для дополнительной проверки. В журнале поставил левую закорючку, чтобы не было похоже на его подпись и позвонил брату. Рома приехал к нему через полчаса, Бобышкин отдал паспорт и стал ждать. В четыре часа Рома привёз паспорт обратно и сказал, что нужно ждать три дня для согласования и проверки, в банке так положено.

К концу недели Рома приехал домой к Лёше и отдал ему пятьдесят тысяч.

– Ну как тебе такой расклад Лёша? – радостно спросил Рома.

– Отлично! – шурша деньгами ответил Бобышкин. – Паспорта ещё нужны?

– Нужны из тех, что ты ксерокопии привозил. Там нам подходит Лазаренко и Кураев. В понедельник пораньше паспорт любого из них готовь, я к тебе заеду на работу.

Бобышкин был очень рад этой новой теме, но его смущало, что паспорт всё равно находится в зоне в спецотделе. Как не крути, а ниточка приведёт к месту жительства должника в зону. Ведь в момент оформления кредита он уже сидел в колонии. Бобышкин думал, что тема с паспортами очень даже интересная, но есть риск. За месяц было оформлено пять кредитов по двести тысяч, итого миллион. На каждого, за минусом комиссии, почти по двести пятьдесят тысяч. Отлично!

Бобышкин в течение этого месяца прорабатывал всякие варианты с паспортами. Но всё равно кредит был оформлен на ээка, который сидит в зоне. Бобышкина осенило! Наркоты у него много, а наркоманов с паспортами на воле ещё больше. Им всё равно кредит в банке не

дадут из-за их внешнего всегда зависающего или чешущегося вида. Эти уроды умудряются квартиры прокалывать, что им стоит какой-то паспорт дать на время за хорошую дозу.

Бобышкин подключил к этому делу Колю Бациллу. Он, освободившись из колонии, сколотся на воле как последняя собака. За хорошую дозу наркотиков Коля приносил паспорт на день, пока предполагаемый заёмщик находился под кайфом. Вечером паспорт возвращали наркоману. Потом это были уже его проблемы, трезвым надо быть, так рассуждал Бобышкин. Схема с использованием наркоманов требовала лишних затрат, действий и времени, но она была очень надёжной. Когда наркоманов на горизонте не было, Бобышкин брал паспорта из личных дел осужденных. Жажда наживы лёгких денег была неутолима.

Глава 7

ИК-3. Робин Гуд и голуби

После обеда к Васильеву зашёл дневальный промышленной зоны и рассказал, что есть некто осужденный Верзилов. У него завтра по игре расчёт, но торчит он в десять штук и у него ничего нет. Ему блатные могут хребет подправить. Васильеву сломанные хребты в зоне не нужны, и он вызвал к себе осужденного Верзилова.

– Здравствуйте гражданин начальник. Осужденный Верзилов Илья Станиславович, статья 158 часть 3.

– Понятно. – прервал его Васильев. – Как у тебя дела, как здоровье, проблем нет?

– Василий Васильевич закройте меня в изолятор. – Верзилов уже понял, что опера в курсе его проблем. Просто так в день расчёта в оперотдел не вызывают.

– За что?

– Я в карты проиграл. Завтра расчёт, а мне нечем отдавать. Блатные сказали, что, если не рассчитаюсь, то здоровьем заберут.

– Ну, если проиграл, займи у кого-нибудь. Что ты в зоне на штуку сигарет не найдёшь?

– Если бы на штуку. – Верзилов опустил глаза. – Я проиграл десять штук.

– Каким образом? У вас потолок по игре одна тысяча, ты с кем играл?

– Да это уже не важно.

– Что значит не важно, с кем играл? – Васильев повысил голос.

– С Зиминим, Зима погоняло, знаете наверно его.

– Знаю, знаю. А кто за игрой смотрел, чтобы вы за потолок не вышли?

– Гражданин начальник, Вы такие вопросы задаёте...

– Кто за игрой смотрел?

– Кричевский смотрел. Он потом по своим делам ушёл, вот меня и понесло. Зима меня три раза предупреждал, что хватит, а я ему ещё сдавай, ещё.

– Ну ты и лох печальный. С Зимы твоего спросу от блатных не будет, он тебя предупреждал, а ты повёлся. Иди в дежурку и там жди.

Васильев позвонил в дежурную часть и сказал, чтобы его пока в клетку посадили. После чего вызвал смотрящего за игрой осужденного Кричевского. Он же Кричевский Пётр Алексеевич, осужденный за мошенничество и грабёж. Проблем от него практически не бывает, ухо остро всегда держит, но за свой косяк ответить должен.

– Здравствуйте Василий Васильевич. – радостно поприветствовал Кричевский. – Я в курсе зачем вызвали, мы сами всё разрулим. Вы не переживайте, в отряд его только отпустите.

– Кричевский, ты же знаешь правила. Мы вам жить даём, наглеть зачем? У вас эки закрываться бегут.

– Случайно вышло Василий Васильевич. Стоило на минуту отвернуться, хлоп и уже пять штук проиграл. А Зима его предупреждал, что пора остановиться.

– Ты мне лапшу на уши не вешай, не пять, а десять. Зима ваш опять краплёными картами лоха развёл на бабки. Косяк за вами господа осужденные, прощения не будет. В изолятор всей компанией поедете, только по разным камерам. Спалились – отвечайте! Тем более бедноту на бабки разводить не хорошо. У него за душой ничего нет. А это значит только одно, что вы расслабились и пора вас взбодрить.

Васильев всех троих, Верзилова, Зимина и Кричевского, посадил в ШИЗО по разным камерам на пятнадцать суток. Потом он подумал и посоветовался с Петровичем на тему обос-

нованного изъятия общака в отряде, с учётом того, что проверит всё через передачи и комнату свиданий. Петрович сказал, что это муторная и долгая работа, если есть желание, то занимайся. Эффект будет отличный, порядок будет идеальный. Просрать общак – это хороший резонанс в зоне для игровых и блатных.

На следующий день Васильев скооперировался с режимниками. Все вместе пошли изымать общак у блатных, обосновано и по закону. Проверили сумки в отряде и забрали все подозрительные сигареты и чай. Они не проходили по документам КДС – значит отчуждение. Работа долгая и кропотливая, но результат будет минимум на полгода вперёд.

После обыскных мероприятий изъяли тридцать пять блоков сигарет и двенадцать килограммов чая. Осужденные немного бурчали, но обосновать нахождение этого имущества в отряде не смогли. Сказать вслух, что это общак – означало тут же получить табуретом по голове от блатных. Логика простая, не можешь обосновать – сиди и молчи. Васильев, как бухгалтер с картотекой КДС, всё всем быстро обосновал.

– Раз это ничё, значит государственное. Друг другу в зоне дарить ничего нельзя, так как это запрещено. Уж не ворованное ли? – пошутил Васильев. – Воровать – это значит крысить. Мы же здесь все порядочные, не правда ли? Так что извините, сами виноваты.

Осужденные действительно не могли обосновать откуда чай и сигареты. Во-первых, сумки были не подписаны. Во-вторых, описей имущества нет. В-третьих, блатные отряда расслабились и не раскидали грамотно общак. Сделали бы всё красиво, тогда у администрации вопросов не возникло. Веня Бенедиктов даже вмешиваться не стал, так как знал, что это косяк блатных отряда. Пусть они и разруливают, он с них вечером всё равно спросит.

Всё изъятое сложили в кабинете у Васильева. Петров и Зубов увидели результат работы Васильева и пошутили, что теперь он, как Робин Гуд, обязан отдать всё бедным. Тем более целый день прошёл, а хозяин изъятого не нашёлся.

Утром, при разводе на работу в промышленную зону, Васильев раздал каждому бригадиру по три блока сигарет и килограмму чая.

– Грев от блатных. Сами не могут отдать, в изоляторе сидят. Меня попросили передать. – шутил Васильев с работягами промышленной зоны.

Вся зона была уже в курсе, что блатные накосячили. Все знали, что общак отдадут, как всегда простым мужикам. Остатки общака Васильев отдал в столовую и баню. Работяги были довольны, поэтому опера всё знали в зоне. За информацию про общак, а это все знали, опера себе ничего не брали. Они всё отдавали простым работягам.

Косячники вышли из изолятора и получили по шее от блаткомитета. Это было уже в воспитательных целях, зато порядок в игре навели мгновенно. Со временем зэки называли бухгалтерский рейдер Васильева седьмой колонкой. По очередности нумерации, так как доля с игры, которая идёт в общак от зэков, называется шестой колонкой. Седьмая колонка приносила свои результаты, так как многим зэкам никто с воли не мог помочь. За чай и сигареты они иногда подкидывали интересную информацию.

Как-то на очередной раздаче общака к Васильеву обратился простой работяга осужденный Трунов. Он стал бомжом на воле. Его единственный сын проколол их однокомнатную квартиру пока папа работал на севере и строил заводы. Квартира была оформлена на сына. Папа растил сына один, вдовец, но слишком рано оформил наследство. По возвращению с севера его обрадовали, что он бомж. Трунов сгоряча избил сына. Руки у строителей тяжёлые, не обошлось без перелома. Он сам вызвал скорую помощь и милицию, но закон, как всегда, суров и теперь он сидит в колонии.

Трунов терпеть не мог наркоманов. При удобном случае он попросил, чтобы его вызвал Васильев для разговора. Он по секрету рассказал, что осужденный Бодров использует не по назначению хозяйскую голубятню. Он лично видел, как с воли прилетел голубь и осужденный Бодров снял с его лапки свёрток. Потом он ходил накуранный и всё жрать хотел. Трунов пояс-

нил, что наблюдает эту картину уже третий раз. Он рядом работает в слесарном участке. Происходит это всегда по воскресениям, когда начальника колонии Гагарина нет в зоне. Васильев выслушал его внимательно и отправил на работу.

Информация была интересная. Бодров был человеком начальника колонии, а Васильев пока к нему не вхож. Он пошёл к Петровичу и изложил полученную информацию. Петрович не удивился, так как сам давно пасёт Бодрова. Он сам ждёт, когда по распоряжению начальника вынесут на волю очередную пару голубей.

– Тут Вася дело очень тонкое. Начальнику простая информация про Бодрова не интересна. Его надо брать с поличным и всё принести на блюдечке, но Бодров давно сидит и имеет некоторое доверие. Начальник, голубятник давнишний, как и Бодров. Они по голубям тащатся, как моль по нафталину. Надо в цвет брать. Значит говоришь по воскресениям? Одинаковая информация из двух источников – это уже хорошо, это отлично. – сказал Петров.

– Ну и что будем делать? – спросил Васильев. – Что теперь не трогать его что ли?

– А что тут думать, только брать с поличным. Если всё нормально, хозяин сам с него шкуру снимет. Перед выносом голубей всё равно надо доложить начальнику, а то не красиво будет. Пойдём к Зубову доложим о информации.

Петров и Васильев рассказали обо всём Зубову.

– Ну смотрите у меня. Если не поймаете, начальник вас самих в голубятню отправит. Ждите, сейчас к нему схожу. – сказал Зубов и пошёл к полковнику Гагарину.

Через десять минут Зубов вернулся. Начальник согласовал план мероприятий. Если информация верная, он вообще закроет эту голубятню.

В пятницу Бодров отправил пару голубей за зону на развод с разрешения начальника колонии. Петров и Васильев в воскресенье рано утром, до подъёма зоны, приехали на работу. Они сели в засаду в слесарном участке, в которой работает Трунов. Действительно, из запылённых окон слесарного участка голубятня видна, как на ладони. Лучшего места не найти. Начался вывод осуждённых на работу в производственную зону. В воскресенье как правило выходит мало людей, но опера за ранее позаботились о том, чтобы слесарный участок сегодня не работал.

Вот и Бодров идёт в голубятню. Петров и Васильев по его походке сразу поняли, что сегодня приехали не зря. Бодров порхал бабочкой, когда шёл к голубятне. Петров и Васильев ждали, но время шло медленно. Предугадать прилёт голубя невозможно.

Чтобы скоротать время Петров рассказал Васильеву один случай. Он произошёл за год до трудоустройства Васильева. В зоне жил кот Васька полностью чёрный. Все его любили и во всех бараках он был желанным гостем. Его кормили, гладили, делали всякие игрушки. Кот в зоне – это святое животное, как корова в Индии.

Однажды Васька ночью залез в голубятню к Бодрову и задрал три голубя. Обожрался и там же лёг спать. Утром пришёл Бодров, увидел убитых голубей и разозлился. Поймал Ваську и в отместку отрубил ему топором передние лапы. После этого блатные собрались и очень жёстко избили Бодрова. Отомстили за Ваську, зная, что их закроют в ШИЗО.

Гагарин подумал, что с ними делать и всех, включая Бодрова, закрыл на месяц в изолятор. Котов из зоны убирать не стал, так как в таком случае и голубей надо было убирать, если по понятиям. От котов в зоне польза, добро они несут, как и голуби тоже. Гагарин – порядочный и справедливый дядька. Он всем сказал, что, если не умеете следить за своими питомцами, значит порядка нет. А раз беспорядок, тогда сидите в изоляторе до упора. Вот так.

Васильев слушал эту историю и его немного передёрнуло, когда коту отрубили лапы. Он любил котов. Голубей тоже было жалко, но лишь потому, что они были полковника Гагарина. Слежка продолжалась.

Бодров по-прежнему возился по хозяйству. Он никуда не уходил, а это говорило о том, что он тоже ждёт. Человек хозяина не может сидеть на одном месте. Бодров должен везде

двигаться и собирать информацию для начальника колонии. Голуби – это совпадение их хобби. Бодров в доску красный и существует, как личность, пока работает на начальника.

Прошло несколько часов. Петров и Васильев уже были уверены, что голубь прилетит. К Бодрову подходили эки по различным вопросам, а он из голубятни ни шага. Поговорит с ними и отправляет обратно. Важно ещё то, что он своих голубей не выпускает полетать.

– Вася смотри. – тихо сказал Петров. – Бодров на верх полез, в клетку. Ну-ка всматривайся в небо.

– Петрович, Петрович, вижу, вижу, летит, один. Вон там, правее смотри, выше. – Васильев показал пальцев в небо.

К зоне приближался одинокий белый голубь. Он точно летел к нам, так как это было хорошо видно на фоне голубого неба. Ещё минута и он будет здесь.

– Как только он его в руки возьмёт, сразу бежим. Я к Бодрову, ты к клетке, мало ли что, вдруг там отраву скинет. – тихо скомандовал Петров.

– Петрович, смотри, у голубя лапка перемотана. Ну точно с грузом прилетел.

Бодров взял прилетевшего голубя в руки и начал спускаться из клетки. Петров и Васильев рванулись к голубятне. Забежав в голубятню, Петров направился к Бодрову. Он увидел, что тот отвязывает свёрток от лапки голубя. Васильев это тоже увидел и пошёл к Бодрову с другой стороны голубятни.

– Бодров, замри. Не шевелись! – громко крикнул Петров.

Бодров включил дурака, как будто не расслышал. Он медленно начал поворачиваться спиной к Петрову, но тут же увидел перед собой Васильева.

– Стоять, не шевелиться. Дурканешь, тебе хана. – сказал Васильев и начал медленно подходить к Бодрову.

Бодров на секунду замер от неожиданности и в этот момент Васильев резко выхватил у него голубя.

– Не улетел. А что у него на лапе? Бодров, что глаза выпучил, что у него на лапе? – спросил Васильев.

– Не знаю, это не мой голубь. Чужой прибил, а я по доброте душевной подобрал его. Честное слово не мой, век воли не видать гражданаме начальники.

Петров развернул пакетик, в котором оказался план.

– Ну что Бодров, пойдём в штаб. Будешь консультировать нас по вопросам тёплого приюта бездомных голубей.

Все вместе пришли в дежурную часть. Петров с пульта дежурной части позвонил Зубову и доложил, что поймали Бодрова и его голубя с наркотиками. Наркотики были привязаны к лапе, как и предполагали. Поймали с поличным. Зубов сказал ждать в дежурной части, начальник колонии однозначно сейчас сам перезвонит. Через десять минут в дежурке зазвонил телефон. Дежурный представился и позвал Петрова.

– Петрович, хозяин к телефону зовёт.

Петрович взял трубку и доложил про Бодрова с наркотиками. Всё подробно, от начала и до конца, включая посылного голубя.

– Пётр Петрович. – сказал Гагарин. – Этого козла в изолятор, документы завтра подпишу. До конца срока в подвал его, чтобы знал, как прикрываться моим именем. Дальше сами знаете, что делать. Молодцы! На сегодня свободны. Дай дежурному трубку.

– Слушаю, товарищ полковник, понял, так точно. До свидания товарищ полковник.

– Что начальник сказал? – спросил Петров.

– Показать Бодрову, где в изоляторе раки зимуют.

Петров и Васильев разошлись по домам. На следующей неделе по приказу начальника колонии Гагарина голубятню разобрали. Голубей раздали всем желающим, включая смотрящего за зоной Веню Бенедиктова, который удачно освободился в этот день.

Через месяц полковник Гагарин вручал погоны старшего лейтенанта молодому оперу Васильеву и шутил.

– Василий Васильевич, всех голубей в зоне разогнал. Теперь отлавливай всех котов и отдавай их в надёжные руки.

ИК-12. Ветер в голове

Половина второго ночи. Инспектора отдела безопасности закончили обход отряда и ушли. Калуга стоял в коридоре возле окна на третьем этаже. Он смотрел на запретную зону. Первый раз в жизни он наслаждался природой по-настоящему. За окном всё черным черно, луны нет. Шёл сильный дождь. Ветер завывал в разных тонах на струнах колючей проволоки и кольцах егозы. Стихия бушевала, была гроза. Молнии то и дело освещали мрачные стены барачков и штаб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.